

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южно-Уральский Государственный Университет
(Национальный Исследовательский Университет)»
Институт социально-гуманитарных наук
Кафедра отечественной и зарубежной истории

УДК 94(470)«1921/1922»
ББК ТЗ(2)613

Допустить к защите
Зав. кафедрой ОиЗИ _____
д.и.н., проф. О.Ю. Никонова
«___» _____ 2019

**Опыт раннесоветского государства в преодолении кризисов (на примере
голода 1921-1922 гг.)**

ЮУрГУ- 46.03.01.2019.025. ВКР

Руководитель ВКР бакалавра,
к.и.н., доцент
Раева Т.В.
_____ 2019 г.

Автор ВКР бакалавра
студент группы СГ-406
Угрюмова А.А.
_____ 2019 г.

Нормоконтролер
к.и.н., доцент

_____ 2019 г.

Челябинск – 2019

Оглавление

Введение	3
Раздел 1. Борьба с голодом 1921-1922 гг.: партийно-государственные институты и их практики	15
Раздел 2. Взаимодействие советского правительства с иностранными миссиями помощи голодающим.....	31
Раздел 3. Формирование официальной репрезентации голода в советских газетах	44
Заключение	62
Библиографический список	64

Введение

На завершающем этапе Гражданской войны большевистское правительство столкнулось с новым вызовом, социально-экономическим потрясением 1921-1922 гг., вызванным голодом. Это испытание, негативно влиявшее на авторитет власти, потребовало от большевиков быстрой реакции, запуска механизмов купирования последствий голода, осмысления и интерпретации критической ситуации таким образом, чтобы, с одной стороны, обеспечить сохранение партии во власти, снизить градус недовольства населения, привлечь внимание возможных иностранных партнеров, благотворительных организаций, с другой стороны, использовать его для решения текущих внутри- и внешнеполитических задач.

Обращение к изучению раннесоветского опыта преодоления кризисов позволит углубить знания о природе большевистского режима, существе сформированных им механизмов и стратегий. Анализ опыта социально-экономической политики Советской власти позволит выработать представление о взаимоотношениях государственных и общественных организаций, создании государством моделей взаимодействия с частными иностранными институциями, оказывавшими помощь голодающему населению России.

Данная работа обращается к недостаточно изученному аспекту проблемы голода 1921–1922 гг. – широкому спектру практик и механизмов, выработанных большевистским правительством для выхода из кризиса, включая конструирование идеологически приемлемого рассказа о голоде в печати. В рамках изучения этой темы можно сформировать представление об опыте и полученных российским партийно-государственным руководством навыках решения социально-экономических проблем.

Объектом исследования является голод 1921-1922 гг., с которым столкнулась РСФСР.

Предметом исследования выступают практики и механизмы преодоления голода, составившие опыт раннесоветского государства по разрешению кризисов.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1921 года по 1922 год и являются временем описываемого события. Нижняя хронологическая рамка связана с началом голода в Советской России и первыми практиками борьбы с его негативными последствиями, верхняя – с постепенным преодолением острой фазы голодной катастрофы.

Территориальные рамки работы охватывают Советскую Россию, в сфере внимания находится деятельность центральных и местных органов власти. При этом изучение источников и литературы по теме позволяет говорить о наличии несущественных различий в институциональной организации и практиках преодоления бедствия, реализуемых в отдельных регионах. В силу этого представляется возможным при обращении к местному опыту борьбы с голодом опираться преимущественно на материал Челябинской губернии по причине большей доступности архивов.

Цель исследования – реконструировать опыт советской власти по борьбе с голодом 1921-1922 гг.

Для достижения цели в работе поставлены следующие задачи:

1. изучить стратегии и практики преодоления голода центральных и местных партийно-государственных органов;
2. рассмотреть опыт взаимодействия властных структур с иностранными миссиями в рамках борьбы с голодом;
3. проанализировать формирование официальной репрезентации голода в газетах «Правда», «Известия», «Советская правда», как действенного инструмента советского пропагандистского государства в преодолении негативных последствий голодной катастрофы.

Методология исследования представлена общенаучными и специально-историческими методами. Общенаучные методы включают в себя анализ, синтез, дедукцию, индукцию. Ретроспективный метод позволяет рассмотреть

историческую реальность начала 1920-х годов во всей полноте исторических событий и связей. Методологический подход политической истории обращает внимание на стратегии и управленческие практики власти. В частности, подход Питера Холквиста, изучавшего политику управления массами в условиях кризиса, указывает на связь государственных практик управления ресурсами (материальными и людскими) и самомобилизации населения. Институциональный метод дает возможность изучить систему органов, созданных или допущенных большевиками к решению проблем голодающего населения, уяснить те интересы, которые преследовались властью в рамках созданной ими структуры институтов для преодоления голода.

Наряду с институциональным методом в работе использовался дискурс-анализ, посредством которого были выявлены механизмы и способы, используемые советской властью в создании репрезентации событий голодной катастрофы начала 1920-х годов. А также методы изучения пропаганды, которые позволяют интерпретировать голод как ситуацию и ресурс для развития большевистского идеологического проекта. Опираясь на теорию Гарольда Лассуэлла, под пропагандой мы понимаем управление коллективными установками посредством манипулирования значимыми для людей символами с целью изменения их воззрений и насаждения политической мифологии¹. Кризис или конфликт способны сделать сознание человека более уязвимым и восприимчивым к пропагандистскому воздействию.

Источниковую базу исследования составили исторические источники разных видов: законодательные акты, делопроизводственные, статистические документы, материалы периодической печати.

¹ Гнатюк О. Л. Из истории американской коммуникологии и коммуникативистики: Гарольд Лассуэлл (1902-1978) // Сборник научных трудов «Актуальные проблемы теории коммуникации». – СПб., 2004. – С. 11-20.

Наиболее значимыми законодательными актами явились международные договоры, в которых фиксировались принципы и условия оказания помощи голодающему населению России правительствами иностранных государств и благотворительными организациями (Соглашение правительства РСФСР и Американской администрацией помощи (АРА) о помощи голодающим от 20 августа 1921 г.², Соглашение, заключенное между Главным Уполномоченным Женевской конференции по оказанию помощи России и Народным Комиссаром Иностранных Дел РСФСР от 27 августа 1921 г.³), документы высших партийно-государственных органов РСФСР (например, Постановление Совета Труда и Оборона «О борьбе с засухой» от 29 апреля 1921 г.⁴, Декрет ВЦИК «О Центральной Комиссии Помощи Голодающим при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете»⁵, Постановление ВЦИК от 23 февраля 1922 «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих»⁶, пункты которого описывали процедуру кампании по изъятию церковных ценностей).

Делопроизводственные документы представлены опубликованными и неопубликованными материалами Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО). Среди них документы местных руководящих органов, которые позволили сформировать представление о мерах и усилиях губернских и уездных властей по борьбе с голодом, их результатах, выявить конкретные обстоятельства, проблемы и трудности, с которыми они сталкивались.

В Челябинском архиве были выявлены и изучены инструкции, циркулярные распоряжения, записки общероссийских ведомств (Инструкция ВЦИК по организации на местах комиссий помощи голодающим (1921 г.),

² Россия и США: экономические отношения 1917-1933. Сборник документов. – М., 1997. – С. 33-37.

³ Документы внешней политики СССР. – М., 1960. – Том 4. – С. 294.

⁴ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. Управление делами Совнаркома СССР. – М., 1944. – С. 489-491.

⁵ Там же. – С. 914-915.

⁶ Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. – М., 1999. – С. 59-60.

Положение о местных комиссиях помощи голодающим (1921 г.)). Также в обозначенный массив делопроизводственных документов вошли постановления, распоряжения, докладные записки, протоколы заседаний губернских, уездных, волостных властных структур, акты отраслевых учреждений (Губоно, Губздрави и др.) и специально созданной для борьбы с голодом Комиссии помгола и др. Данный комплекс документов широко иллюстрирует масштабы и картину голода 1921-1922 гг. на местах: на фоне нарастающих затруднений с обеспечением продовольствием фиксируются проблемы беженства и организованной эвакуации населения в благополучные урожайные районы, создания столовых общественного питания, проведения лотерей, общественных работ, сбора пожертвований и т.д. При изучении документов региональных структур была собрана информация о деятельности иностранных благотворительных организаций на местах, объемах их продовольственной и материальной помощи голодающим и формах ее предоставления.

Основными источниками для получения статистических данных стали Статистический сборник Челябинской губернии за 1920-1923 гг.⁷, а также сводки, отчеты местных органов. Работа с ними затруднялась расхождениями в тех данных, которые они приводили. Это могло быть связано с применением разных методик учета и способов сбора информации, ошибками в статистических расчетах и сознательными фальсификациями, призванными приукрасить реальную картину, скрыть действительные масштабы катастрофы.

Изучение идеолого-пропагандистской кампании, реализуемой государственными органами в условиях голода, осуществлялось на основе материалов центральной и местной периодической печати. Газеты «Правда» и «Известия», которые являлись наиболее влиятельными и авторитетными общественно-политическими изданиями в Советской России. Адресуясь

⁷ Статистический сборник Челябинской губернии за 1920-1923 гг. – Челябинск, 1923. – 396 с.

массовому читателю начала 1920-х годов, они выступали одним из основных каналов трансляции приемлемой для власти интерпретации голода и его проявлений. Анализ газетных материалов позволяет сформировать представление о большевистских приемах осмысления и подачи «действительности» в освещении голода. В дополнение к общесоюзной прессе в работе использовалась региональная периодическая печать, представленная ежедневной газетой «Советская правда», органом Челябинского губкома РКП(б) и губисполкома. Она во многом являлась средством адаптации идеолого-пропагандистского материала к местным условиям и специфике.

В ходе работы с источниками значимым являлось соблюдение правил критики источника как внешней (происхождение источника, определение подлинности, авторства и его целей), так и внутренней (изучение содержания информации, определение степени достоверности информации).

В целом, комплекс выявленных и проанализированных исторических источников позволяет решить поставленные в исследовании задачи.

В историографии проблемы условно можно выделить три периода, для каждого из которых характерна своя специфика в изучении проблемы голода 1921-1922 гг.

На первом этапе (1920-е – середина 1960-х гг.) проблема голода выступала предметом осмысления в агитационно-пропагандистских статьях деятелей большевистской партии. Важность этих работ заключается в выработке официального подхода к интерпретации причин бедствия, которые связывались с неблагоприятными погодными условиями, усугубившими проблемы сельского хозяйства, унаследованные большевиками от царского и Временного правительств⁸. Именно в этой трактовке события 1921-1922 гг. найдут свое отражение в «Кратком курсе

⁸ Ярославский Е. М. Почему у нас в России голод и как с ним бороться? (Простая беседа с крестьянами). – Самара, 1921. – 14 с.; Радек, К. Б. Голод в России и капиталистический мир. – М., 1921. – 12 с.

истории ВКП(б)», где особо будет подчеркнута роль партии «успешно ликвидировавшей последствия постигшего страну недорода»⁹.

Для историографии данного этапа также характерно обращение к проблеме голода в контексте общих работ, посвященных раннесоветскому периоду (истории Гражданской войны, интервенции, восстановлению народного хозяйства и переходу к новой экономической политике). В них основное внимание при освещении событий голодной катастрофы уделялось роли коммунистической партии в борьбе с голодом и ликвидации его последствий¹⁰. При этом деятельность иностранных миссий, в частности АРА, рассматривалась как политическая и диверсионная: «лицемерно прикрывая свои истинные цели фразами о «человеколюбии» и «гуманности», империалисты во главе с США под флагом якобы оказания «помощи» голодающим задумали коварный и гнусный план экономического закабаления советского народа»¹¹.

В к. 1950-х гг. стали появляться работы, изучавшие голод 1921-1922 гг. в региональном аспекте. В них освещалось общее положение того или иного края, масштабы помощи голодающим, поступающей от советского государства и местных властных структур¹².

Второй этап (середина 1960-х – начало 1990-х гг.) характеризуется появлением первых обобщающих работ о голоде, носящих комплексный характер. В них рассматривались причины голодной катастрофы 1921-1922 гг., ее последствия и способы преодоления. Подход к интерпретации усилий

⁹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. – М., 1955. – С. 248.

¹⁰ Рубинштейн Н. Л. Борьба Советской России с голодом 1921 г. и капиталистические страны // Исторические записки. – М., 1947. – № 22. – С. 3-41.; Коган А. Н. Антисоветские действия Американской Администрации помощи (АРА) в Советской России в 1921-1922 гг. // Исторические записки. – М., 1949. – № 29. – С. 3-32.; Генкина Э. Б. Переход Советского государства к новой экономической политике (1921–1922). – М., 1954. – 505 с.; Поляков Ю. А. Переход к НЭПу и советское крестьянство. – М., 1967. – 519 с.

¹¹ Поляков Ю. А. Переход к НЭПу и советское крестьянство. – С. 283.

¹² Машин М. Д. Борьба с голодом в 1921-1922 годах на Южном Урале // Из истории революционного движения и социалистического строительства на Южном Урале. – Челябинск, 1959. – С. 100-124.; Арнаутков Л. И. Оренбуржье – 1922: цифры и факты // Блокнот агитатора. – 1982. – № 19. – С. 30-32.

советского государства и партии, направленных на борьбу с голодом, и оценка западной помощи как антисоветской и подрывной сохранялась¹³. Однако среди причин голода, наряду с засухой и военной разрухой, начинают упоминаться последствия осуществляемой в ходе Гражданской войны продразверстки (и шире продовольственной политики большевиков)¹⁴.

Ю.А. Поляков в своей работе основное внимание акцентировал на способах преодоления голода, используемых советским государством, говоря о титанической борьбе, развернутой советским народом под руководством партии, где «исключительно ярко и убедительно проявилась могучая сила Советского государства, социалистического строя»¹⁵. Рассматривая вклад иностранных государств в дело помощи голодающим, положительной оценкой наделялся Фрительф Нансен и Межрабпом, а также коммунистические круги западных держав. Исходя из заданной традиции, деятельность Американской администрации помощи интерпретировалась как подрыв Советской власти «путем использования такого мощного оружия, как продовольственная помощь»¹⁶. Аналогичную оценку автора получали усилия империалистических кругов в период голода.

Инерция ортодоксального советского подхода в изучении голода 1921-1922 гг. сохранялась вплоть до конца 1980-х гг. Так, в работе Е.М. Хенкина «Очерки борьбы Советского государства с голодом»¹⁷ был указан принятый набор причин трагедии: отсталость сельского хозяйства, последствия войн, засуха. Продовольственная политика большевиков исключалась из этого перечня и рассматривалась как необходимая и верная. Деятельность правительства, советских благотворительных организаций оценивалась автором как положительная и эффективная. В работе иностранных миссий

¹³ Циденков Г. Г. Коммунистическая партия во главе с В.И. Лениным – организатор и руководитель борьбы советского народа с голодом 1921-1922 гг.: дисс. ...к. и. н. – М., 1973.

¹⁴ Поляков Ю. А. 1921 г.: победа над голодом. – М., 1975. – 112 с.

¹⁵ Поляков Ю. А. 1921 г.: победа над голодом. – С. 103.

¹⁶ Поляков Ю. А. 1921 г.: победа над голодом. – С. 92.

¹⁷ Хенкин Е. М. Очерки борьбы Советского государства с голодом. – Красноярск, 1988. – 171 с.

исследователь усматривал антисоветский характер, но признавал значимость оказанной ими помощи. Деятельность церкви оценивалась негативно и носила контрреволюционную направленность по причине нежелания сдавать церковное имущество.

Проблема голода затрагивалась в эмигрантской литературе. В 1952 году было опубликовано исследование «Народное хозяйство СССР» профессора С.Н. Прокоповича¹⁸, который в июле – августе 1921 г. был одним из руководителей Всероссийского комитета помощи голодающим. В работе автор обращался к анализу причин голода в Советской России, среди которых называл преследование большевиками зажиточных крестьян и изъятии продовольственных резервов 1920 г., в т.ч. в местах, переживающих засуху. В духе эмигрантской литературы основную ответственность за голодную катастрофу в стране Прокопович возлагал на большевиков и их политику. Аналогичной позиции придерживался М. Геллер в своей статье «О голоде, хлебе и советской власти», опубликованной в 1991 г. в Лондоне в качестве предисловия к архивному изданию газеты «Помощь» Всесоюзного Комитета помощи голодающим¹⁹. Ее автор отмечал отрицательные последствия продовольственной политики большевиков и рассматривал их как основную причину голода, наряду с отсталостью сельского хозяйства, итогами Первой мировой и Гражданской войн.

Третий этап в историографии голода приходится на постсоветский период. Изменения, характерные для данного этапа, связаны с переосмыслением причин голода, которые в большей степени связываются с большевистской политикой и последствиями войн и революций²⁰.

Конкретно исторические исследования к. 1990 – н. 2000- х гг. в большей степени обращены к изучению региональной истории борьбы с

¹⁸ Прокопович С. Н. Народное хозяйство СССР. Том I. – Нью-Йорк, 1952. – 358 с.

¹⁹ Геллер М. Я. О голоде, хлебе и советской власти. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=156449&p=11> (дата обращения 17.12.2018).

²⁰ Поляков В. А. Голод в Поволжье, 1919 – 1925 гг.: происхождение, особенности, последствия. – Волгоград, 2007. – 735 с.; Каракулов Д. В. Голод 1921 – 1922 гг. на Урале: дисс. ...к.и.н. – Екатеринбург, 2000.

голодом (в Поволжье, Украине, на Урале и др.)²¹. Единственной работой, посвященной голоду в Челябинской губернии, является исторический очерк В. Боже и И. Непейна «Жатва Смерти. Голод в Челябинской губернии в 1921–1922 гг.»²², где авторами были рассмотрены причины голода, поведенческие выражения и способы выживания в условиях кризиса, а также подведены итоги бедствия 1921-1922 гг. В меньшей степени исследователи проанализировали институции, участвовавшие в ликвидации бедствия, что требует дальнейшего изучения.

На современном этапе историографический вектор сместился в сторону изучения деятельности иностранных благотворительных организаций²³, среди которых приоритетное место занимает Американская администрация помощи²⁴. Исследования по данной проблематике привлекают документы российских и зарубежных архивов, а их результатом становится переоценка вклада советского правительства и иностранных миссий в дело ликвидации голода в РСФСР. Как утверждают авторы, зарубежные благотворители сыграли значительную роль в преодолении голодной катастрофы в России, при этом наибольшую помощь оказала АРА, на которую падало 83% всего ввозимого продовольствия, вторым шел Нансен, ввезенное им количество

²¹ Кристкалин А. М. Голод 1921 года в Поволжье: опыт современного изучения проблемы: дисс. ...к.и.н. – М., 1997.; Каракулов Д. В. Голод 1921 – 1922 гг. на Урале: дис. ...к.и.н. – Екатеринбург, 2000.; Аншакова Ю. Ю. «Увиденное мною в Самаре я не забуду никогда»: голод начала 1920-х годов и помощь голодающим в Самарской губернии // Известия Самарского научного центра РАН. – Самара, 2012. – № 3. – С. 59-71.; Бадмаева Е. Н. Голод в Нижнем Поволжье в 1921 и 1933 гг. // Новый исторический вестник. – М., 2010. – № 26. – С. 47-59.

²² Боже В. С., Непейн И. Г. Жатва Смерти. Голод в Челябинской губернии в 1921-1922 гг. – Челябинск, 1994. – 40 с.

²³ Космачева Т. С. Государственные и общественные организации России и Зарубежья в борьбе с голодом 1921-1922 годов на Южном Урале: дисс. ...к.и.н. – Самара, 2009.

²⁴ Хмелевская Ю. Ю. Роль американской миссии в борьбе с голодом на Урале (по материалам Уральско-Уфимского округа АРА, 1921-1923) // Южный Урал в судьбе России (к 70-летию Челябинской области). – Челябинск, 2003. – С. 149-154.; Усманов Н. В. К вопросу об американской помощи голодающим Советской России в 1921-1923 гг. // Дискуссионные вопросы российской истории: Материалы IV межвузовской научно-практической конференции. – Арзамас, 2000. – С. 197-202.; Аншакова Ю. Ю. Гуманитарная миссия АРА в советской России: начало взаимодействия // Известия Самарского научного центра РАН. – Самара, 2009. – № 2. – С. 112-117.

грузов составляло 13,7%, затем Межрабпомгол и др., государственная помощь голодающим, в основном, выражалась в открытии столовых общественного питания²⁵.

Наряду с переоценкой роли исторических участников событий начала 1920-х гг., в современной историографии происходит расширение хронологических рамок голодной катастрофы, начало которой ряд авторов относит к зиме 1920-1921 гг., указывая, что в феврале 1921 года Советская Россия уже находилась в состоянии кризиса, а первый государственный опыт борьбы с голодом, опробованный в начале 1921 года, был неудачным. Завершение же бедствия связывают с 1925 годом²⁶. Некоторыми исследователями верхняя хронологическая граница определяется 1923 годом²⁷.

Появляются работы, освещающие стратегии выживания населения во время голода. В работе И.В. Нарского²⁸ «Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 г.» автор характеризует голод 1921–1922 гг. на Урале и уделяет большое внимание способам самосохранения населения.

Таким образом, историографический анализ показал, что комплексной работы, освещавшей опыт Советского государства в борьбе с голодом 1921-1922 гг., в т.ч. его институциональные и практические усилия, взаимодействие с иностранными благотворительными организациями и осмысление проблемы в СМИ, пока не появилось.

²⁵ Каракулов Д. В. Голод 1921 – 1922 гг. на Урале: дисс. ...к.и.н. – Екатеринбург, 2000. – С. 19.

²⁶ Поляков В. А. Голод в Поволжье, 1919 - 1925 гг.: происхождение, особенности, последствия. – Волгоград, 2007. – 735 с.; Он же. Голод в Поволжье: первый опыт государственной помощи в 1921 году // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – Волгоград, 2007. – № 12. – С. 18-32.

²⁷ Хмелевская Ю. Ю. Миссия выполнима? Американская филантропия против первого советского голода (к 90-летию начала деятельности американской администрации помощи на Урале, 1921-1923 гг.). // Вестник Пермского университета. – Пермь, 2011. – № 3. – С. 65-74.

²⁸ Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала 1917 – 1922. – М., 2001. – 613 с.

Структура настоящего исследования выстроена в соответствии с поставленными целью и задачами и состоит из введения, трех разделов, заключения, списка источников и литературы.

Раздел 1. Борьба с голодом 1921-1922 гг.: партийно-государственные институты и их практики

Летом 1921 года, когда голод в России охватывал все новые губернии, по решению ВЦИК была создана Центральная комиссия помощи голодающим (ЦК Помгол) под председательством М.И. Калинина. Организация наделялась чрезвычайными полномочиями и должна была обеспечивать снабжение и распределение продовольствия в пострадавших районах. На местах комиссии помощи голодающим основывались при Центральных исполнительных комитетах республик РСФСР, губернских, уездных и волостных исполкомах, профсоюзах и крупных предприятиях.

Постановлением ВЦИК от 21 июля 1921 г. был организован Всероссийский Комитет помощи голодающим под знаком Красного Креста. Наиболее энергичными представителями организации являлись С.Н. Прокопович, Е.Д. Кускова и Н.М. Кишкин, не являвшиеся большевиками. Сам же Комитет получил в народе колкое прозвище «ПРОКУКИШ» (сложенное из первых слогов фамилий его представителей). Советское правительство видело в комитете орган политической борьбы против большевистского режима, которым могли воспользоваться зарубежные государства и белогвардейские группировки. Компартия сочла, что в комитете преобладали политические расчеты, не имеющие ничего общего с интересами голодающих²⁹. «Правда» заявляла, что эта группа «проявляла больше жажды власти, чем ума». Подчеркивалось, что деятельность комитета оказалась незначительной. После недолгого существования 27 августа 1921 г. Всероссийский комитет помощи голодающим был распущен.

В Челябинской губернии голод стал ощущаться с осени 1921 года, что обусловило употребление в пищу суррогатов. В ноябре 1921 года 87% сельского населения питалось суррогатным хлебом, а 40% потребляло чистый суррогатный хлеб с незначительной примесью зернового. С июля по

²⁹ Правда. – 1921. 30 августа.

декабрь 1921 года в губернии была зафиксирована 71 тысяча смертей³⁰, достигнув максимально катастрофических размеров в июне 1922 года, когда число голодающего населения составило 798675 человек, из которых насчитывалось 421352 взрослых и 368323 детей³¹. Голодающее население этих местностей проводило собрания граждан, подавало обращения в соответствующие органы с просьбами о предоставлении помощи.

25 июля 1921 года, согласно Постановлению ВЦИК и решению губисполкома, в Челябинской губернии была создана губернская комиссия помощи голодающим, направленная на борьбу с голодом и оказание помощи пострадавшим от неурожая в других губерниях республики. При ней были созданы Троицкая, Верхнеуральская, Курганская, Куртамышская, Миасская уездные комиссии помощи голодающим. На местах были организованы волостные и сельские комиссии. В состав губкомиссии вошли представители губисполкома, губкома, профсоюзных организаций, губвоенкомиссии, госполитуправления и уполномоченный ВЦИК. Для руководства ее работой был избран президиум, председателем губкомгола стал Ершов.

Ресурсы, которыми могли располагать местные помголы, формировались из государственных средств, отпускаемых по линии Центральной комиссии помощи голодающим, внутригубернских налогов и сборов, пожертвований и отчислений из заработков. Уездным отделениям запрещалось самовольно расходовать средства без разрешения губкомгола, тем не менее, на практике это нарушение встречалось довольно часто.

Основными направлениями работы региональных помголов являлись агитация и пропаганда, организация питания и общественных работ, эвакуация голодающего населения. Свою деятельность они начинали с обследования территорий, пострадавших от неурожая, выяснения количества нуждающихся и необходимости открытия детских столовых. При этом им рекомендовалось «работать крайне осторожно, не подавая надежд населению

³⁰ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 26. Л. 97.

³¹ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 26. Л. 114об.

государственной помощью, признавая самоорганизации»³², что свидетельствовало об ограниченности у правительства ресурсов, способных предотвратить распространение голода, и готовности использовать в этих условиях стратегии естественного человеческого выживания. Но даже сами обследования, которые могли бы дать власти реальную картину масштабов бедствия проводились некачественно, с нарушением принципов и правил учета³³.

С начала работы по преодолению голода – с августа 1921 года – советская власть делала ставку на крестьянские комитеты общественной взаимопомощи, которые создавались при непосредственном участии советских органов – отделов народного образования, политпросветов, отделов труда. Однако они возникли не повсеместно и не всегда удовлетворительно справлялись со своими обязанностями по сбору пожертвований. Пропагандистский же потенциал комитетов взаимопомощи активно использовался: всех граждан республики призывали объединить усилия под лозунгом «Десять сытых кормят одного голодного» и поддержать пострадавших от засухи.

Агитация была одним из главных инструментов по привлечению широких масс к делу помощи голодающим. Ее трансляторами выступали политпросветы, библиотеки, музеи. В их задачи входила популяризация способов борьбы с голодом, в частности, идеи заготовки суррогатов, сдачи общегражданского налога, борьбы с эпидемиями и др.

Тем не менее, реальная работа местных комиссий по оказанию помощи голодающим вплоть до декабря 1921 года была незначительной и не носила комплексного характера, выражаясь, в основном, в агитационной деятельности, сборе пожертвований и отчислений. Такие результаты обуславливались слабой координацией со стороны центральных органов и отсутствием продуманной тактики работы и форм помощи. Недостаток

³² ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

³³ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.

ресурсов и неэффективность предпринимаемых мер по борьбе с голодом вызывало обеспокоенность местных властей. Они опасались, что возмущением масс воспользуются «самые тайные агенты контрреволюции» и поведут сильнейшую агитацию против Советской власти»³⁴.

Несмотря на неудачное начало кампании, результатами деятельности губкомгола и укомголов стал ряд мероприятий. Так, Челябинская губернская комиссия, учитывая интересы самой уязвимой в плане питания категории населения – детей, приложила усилия к улучшению их жизни и содержания: открытию больниц, детских учреждений, организации питательных пунктов. В питательных пунктах функционировали хлебопекарни, имелись аптеки и амбулатории. В условиях высокой смертности взрослого населения комголы открывали дома для бесприютных детей. В феврале 1922 года, по распоряжению ВЦИК Помгол, была улучшена работа врачебно-питательных поездов, которые направлялись на обслуживание беженцев и в голодающие деревни, находящиеся далеко от центра, куда иная помощь не поступала³⁵.

Основная задача местных органов власти Челябинской губернии заключалась в изыскании средств внутри региона и направлении их на борьбу с голодом. В рамках этой задачи властями и комиссиями помощи голодающим осуществлялись специальные мероприятия, объявлявшиеся боевыми заданиями: проводились ударные дни, недели помощи голодающим, субботники, воскресники, сыгравшие немалую роль в деле вовлечения народных масс на борьбу с голодом и в удовлетворении самых минимальных потребностей голодающего населения. Недели помощи голодающим, включая проведенную с 1 октября 1921 г. Всероссийскую неделю помощи голодающим, позволяли мобилизовать население и аккумулировать пожертвования (вещи, денежные средства, продукты) при широком использовании лозунгов и призывов: «Голод грозит смертью нашему поколению, накормим детей, «Позор сытому, не разумеющему

³⁴ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 5. Л. 21.

³⁵ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 13. Л. 45.

голода в неделю помощи», «Стыд и позор тому, кто отклонит протянутую руку голодного»³⁶.

Во время этих недель помгол проводил целый комплекс мероприятий: устраивались отлов дичи в уездах, субботники, на фабриках, заводах вводились обязательные сверхурочные работы, результаты которых направлялись в помощь голодающему населению. Учреждения культуры (театры, кинотеатры, цирки и др.) давали представления в обмен на вещи и продукты. Все мероприятия и, главное, сдача собранных средств контролировались губисполкомами и политпросветами. Практические результаты, полученные во время проведения недель, выражались в ремонте зданий и помещений, в т.ч. обустройстве детских домов, питательных пунктов и т.д. Однако этот вид помощи не носил систематического характера и был недостаточен в условиях быстрого расширения масштабов бедствия. Так, в Троицке неделя помощи «ввиду отсутствия необходимых сил», не принесла значительных результатов, а сбор пожертвований был минимален³⁷.

Работа помголов протекала в тяжелых условиях, связанных с ежедневным наплывом беженцев. Осенью 1921 года на территории Челябинской губернии их насчитывалось до 60 тысяч³⁸. Условия пребывания беженцев были тяжелые, они двигались не организовано и концентрировались на станциях железных дорог. Централизованные мероприятия по эвакуации голодающего населения в урожайные районы, проводились крайне низкими темпами. Так, из уездов Челябинской губернии в августе 1921 года было эвакуировано 1150 человек, сентябре – 2300, октябре – 1150, ноябре – 1200³⁹. Взрослое население Курганского и Куртамышского уездов вовсе не было эвакуировано, при этом в

³⁶ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 13. Л. 21.

³⁷ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 1. Л. 60.

³⁸ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 26. Л. 19.

³⁹ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 2. Л. 126.

Куртамышском уезде было сконцентрировано 7 тысяч беженцев, около трех тысяч из которых самостоятельно покинули уезд⁴⁰.

Осенью 1921 года Челябинские губернские власти признавали неспособность справиться с кризисной ситуацией собственными ресурсами и невозможность предоставления хотя бы минимальной помощи голодающим. Они призывали к поддержке со стороны государства и населения урожайных районов. Роль же ЦК Помгол в деле помощи Челябинской губернии губкомиссия считала ограниченной и указывала на отсутствие должного внимания со стороны центральных органов⁴¹. Авторитет ЦК подрывался рядом обстоятельств: несвоевременной заготовкой продовольствия, отсутствием ответов на неоднократные запросы губкомиссии о предоставлении вагонов для отправки уполномоченных групп крестьян в Сибирь, кредитов для осуществления деятельности, а также об увеличении финансирования. Во внутренних распорядительных документах, адресованных уездным комиссиям, губкомгол и губисполком, продолжая добиваться помощи от центральных органов, все же подчеркивали, «что надеяться на помощь извне не приходится»⁴².

Пик голода в губернии, как и во всей стране, пришелся на зиму – весну 1922 года и повлек многочисленные смерти на почве голода. В поселке Наследницкий Троицкого уезда в январе 1922 года было зафиксировано 68 случаев смерти от голода, в феврале – ежедневно умирало по 10-20 человек⁴³. В актах о смерти указывалось, что погибшие питались исключительно суррогатами, сорными растениями, мхом, мякиной, корнями озерных растений, трупами павших животных⁴⁴. Верхнеуральская уездная комиссия помощи голодающим отмечала большие темпы увеличения смертности, подчеркивая, что в день хоронится до 6-7 человек и просила губпомгол

⁴⁰ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 13. Л. 33об.

⁴¹ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 26. Л. 385.

⁴² ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 17. Л. 103.

⁴³ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 14. Л. 171.

⁴⁴ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 17. 181.

выделить средства на погребение умерших, из-за отсутствия которых трупы валялись неубранные на дорогах⁴⁵.

Широко распространялись случаи людоедства и трупоедства, принявшие особый размах с весны 1922 года. Так, при осмотре голодающих в общежитии Варинского поселка Троицкого уезда 4 апреля 1922 года были обнаружены четыре трупа. Труп женщины «был почти весь съеден, только лишь от трупа осталась грудная клетка и голова, кишки, а остальные части тела были срезаны ножом и, по-видимому, употреблены в пищу людьми»⁴⁶. Учащавшиеся случаи людоедства требовали реакции со стороны губернских властей. 7 марта 1922 года в целях изоляции лиц, уличенных в этой деятельности, было принято решение сконцентрировать их в Челябинске и инициировать расследование совершенных ими преступлений.

Широкое распространение приобретали эпидемии. Еще в 1921 году Курганский помгол зафиксировал холерную эпидемию, а также распространение тифозных заболеваний, от которых чаще страдали дети. В Троицком уезде в детских домах и лазаретах развивалась цинга⁴⁷. Заболеваемость, принимавшая массовые размеры по всем уездам губернии, к маю 1922 года насчитывала 456190 случаев⁴⁸. При этом положение больничной части в уездах и губернии в целом было плачевным, коек катастрофически не хватало⁴⁹. Всего в губернии насчитывалось 57 лечебных заведений, 13 амбулаторий, 125 медфельдшерских участков с общим количеством 2657 коек при 75 врачах⁵⁰, что, несомненно, было недостаточно при имевшемся количестве заболевших.

В этих условиях особенно важна была работа Губздравотдела. Им был развернут госпиталь в Челябинске на 600 коек для обслуживания

⁴⁵ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 15. Л. 8об.

⁴⁶ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 14. Л. 282.

⁴⁷ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 13. Л. 61.

⁴⁸ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 74. Л. 19.

⁴⁹ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 13. Л. 33об.

⁵⁰ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 74. Л. 19об.

голодающего населения с оказанием лечебной помощи⁵¹. Медперсонал Губздрава привлекался к обслуживанию врачебно-питательных пунктов, открываемых Помголом. Кроме того, открывались специальные питательные учреждения, где оказывалась стационарная помощь нуждающимся. Голодающим группам населения, прикрепленным к столовым, производились противохолерные прививки.

С декабря 1921 года можно говорить о начале второго этапа кампании по борьбе с голодом. Местным властям и помголам была предоставлена возможность использовать налогообложение в разных видах и формах для привлечения ресурсов, включая натуральное и денежное обложение всех продавцов и покупателей, исходя из их социального положения. Руководствуясь постановлением объединенного заседания комиссии по борьбе с голодом от 24 декабря 1921 года об обложении населения города и уезда в пользу детских приютов, был установлен налог, собираемый в течение трех дней, с пеших граждан в размере 1 тыс. рублей, с граждан, везущих продукты и предметы торговли на лошади – 5 тыс. рублей, с граждан, находящихся в это время в увеселительных заведениях – 1 тыс. рублей⁵². В увеселительных заведениях сборы проходили с 6 утра до 4 часов вечера. Ежемесячным постоянным налогом было обложено все население г. Кургана. С каждой головы коров и лошадей, принадлежащих служащим и рабочим, взимался 1 фунт зернопродуктов, с прочих граждан – по 3 фунта с коровы и 1 фунт с лошади⁵³. Другая экстренная мера сбора средств была узаконена Постановлением Совета народных комиссаров от 6 марта 1922 года, предусматривающим введение натурального налога с 1 января по 1 августа 1922 года на молочные продукты и яйца в Челябинском, Куртамышском и Курганском уездах, за исключением некоторых волостей, признанных голодающими и освобожденными от государственных налогов⁵⁴.

⁵¹ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 2. Л. 628.

⁵² ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 17. Л. 8.

⁵³ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 17. Л. 27.

⁵⁴ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 17. Л. 394.

Широко использовались отчисления из жалованья служащих. В Троицке служащие отчислили на счет губернского Помгола 57 тысяч рублей⁵⁵, от сверхурочных работ мастерских – за ноябрь, декабрь 1921, январь, февраль 1922 года – 67.883 рублей⁵⁶. С сентября 1921 года вводились однопроцентные отчисления с товарообменных операций.

На основании решений V Губернского съезда советов была принята инструкция по обязательному обложению всего населения Челябинской губернии в пользу голодающих. Для усиления денежного фонда Губпомгола были введены налоги: 1) 20% отчисление с месячной суммы налога со строений, находящихся в пользовании частных лиц 2) 10% начисление на суммы счетов за пользование водопроводом и электрической энергией 3) 10% начисление на стоимость городских водопроводных марок, билетов в городских банях и арендную плату торговых помещений и др. Однако 11 ноября 1922 года по постановлению Губэкономсовещания налоги были отменены как установленные без надлежащего утверждения их центром.

Для усиления продуктового фонда Губпомгола все население, проживающее в сельских местностях, официально непризнанных голодающими, подлежало обязательному продуктовому обложению. На территории губернии оно было прекращено после развертывания деятельности АРА по причине его противоречия условиям Рижского договора, которым регламентировалась деятельность международной организации.

Весной 1922 года в Челябинской губернии действовало несколько форм обложения: трудгужналог, общегражданский налог в пользу голодающих (действующий с февраля 1922 г.), временное местное обложение всего населения на нужды школ, больниц и органов местного управления, сборы согласно декрету ВЦИК от 10 декабря 1921 года. Поступление налогов в соответствии с декретом 10 декабря 1921 года

⁵⁵ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 14. Л. 155.

⁵⁶ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 14. Л. 157.

ежемесячно набирало обороты и составило в январе – 1.044.429.000, в феврале – 1.222.761.000 рублей, в марте – 2.553.217.000⁵⁷. Общегражданский налог по всей губернии насчитывал менее 2-3 миллиардов рублей, трудгужналог поступал в виде натуральных ресурсов⁵⁸. Несмотря на внушительные цифры, в условиях инфляции начала 1920-х гг., низкой платежеспособности населения и бедственного положения всей губернии объем собранных налогов был незначителен, и рассчитывать на эти средства в успешной борьбе с голодом было невозможно.

Основной формой государственной помощи пострадавшим продолжало оставаться открытие столовых общественного питания. Первые пункты общественного питания были запущены спустя 4 месяца после официального объявления о голоде – в октябре 1921 года. В Троицком уезде в декабре 1921 – январе 1922 года, включая город, функционировало 42 столовых с ежедневной пропускной способностью 25746 человек⁵⁹. Их финансирование производилось за счет средств укомгола. Передовиком в обслуживании населения оставался центр уезда, производя кормление 5000 голодающих. С 15 апреля 1922 г. столовые Троицка и 18 станиц уезда, включая пункты детского питания, перешли в ведение АРА.

Питательные пункты в ходе своей работы постоянно сталкивались с затруднениями, которые были связаны с отсутствием или недостаточностью продовольствия, топлива и средств на их покупку и подвоз. Штат столовых, определенный в декабре 1921 года, включал в свой состав 8 человек как для пунктов с пропускной способностью 600 человек, так и 1200. В его состав входили заведующий, кладовщик, повар, помощник повара, конторщик, талонщица, прачка, буфетчица⁶⁰. Средств на содержание этого персонала часто не хватало. По этим причинам пункты во многих уездах балансировали на грани закрытия.

⁵⁷ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 26. Л. 148.

⁵⁸ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 26. Л. 148об.

⁵⁹ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 14. Л. 234.

⁶⁰ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.

В Курганском уезде в феврале 1922 года функционировало десять столовых, девять из которых были открыты на средства местного населения с минимальной суточной пропускной способностью тридцать человек. И только одна столовая, открытая уездной комиссией на средства губкомгола, обслуживающая сто человек при оборудовании на тысячу⁶¹. Лишь в марте ей удалось увеличить количество питающихся до 500. Детских столовых за период с августа 1921 по ноябрь 1921 года в городе открыто не было, лишь несколько размещалось в уезде. Их открытие производилось на средства местного населения. В пунктах скопления детей никаких мер не предпринималось. Государственный паек получали лишь определенные категории населения: служащие и рабочие учреждений и заводов – 2115 пайков, больные – 785, заключенные – 540, дети Наркомпроса – 1191, дети Наркомздрава – 400 пайков⁶². В январе 1922 года в Челябинском уезде насчитывалось 184 столовых, в феврале – 149, с апреля их становится уже более 300 с пропускной способностью от 55 до 85 тыс. человек⁶³.

Инспекторами труда производились проверки столовых, в т.ч. на предмет правильной выдачи продовольствия. Одна из таких проверок показала недовес хлеба в пайках. Обследования выявляли антисанитарную обстановку, выражавшуюся в неудовлетворительном и практически необорудованном состоянии кухонь, где печи требовали ремонта, а с потолков сочилась вода, попадавшая в пищу. Нередко инспектора заявляли о непригодности таких помещений и их немедленном закрытии с поиском новых мест.

Продовольственная помощь со стороны ЦК Помгола выражалась в отпуске питания для населения с середины зимы 1922 года. В феврале к

⁶¹ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 17. Л. 195.

⁶² ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 13. Л. 14об.

⁶³ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 74. Л. 17.

питанию было заявлено 60000 детей и 90000 взрослых⁶⁴. В апреле 1922 года количество назначенных детей составило 50000, взрослых – 70000⁶⁵.

В качестве одной из сопутствующих мер по преодолению голода стало изъятие церковных и монастырских ценностей и их последующее использование на нужды голодающих. После указа об изъятии церковных ценностей для борьбы с голодом 13 марта 1922 года на местах создавались губернские комиссии по изъятию церковного имущества. В Челябинской губернии она была образована в составе трех человек: председателя губисполкома Парамонова, председателя губкомпомгола Ершова, заведующего губфинотделом Банкаина. Комиссией было собрано 93 пуда чистого серебра, серебряных денег на сумму 324 руб. 50 коп.; медных денег 3 пуда; 28 штук бриллиантовых камней, 77 штук жемчугов, 63 штуки алмазов, 1 штука бирюзы, золота – 14 золотников; евангелией с серебряными крышками – 2 пуд⁶⁶.

Тем не менее, к весне 1922 года положение пострадавшего населения и особенно детей продолжало ухудшаться. Тяжелые условия их пребывания, выражавшиеся в длительном нахождении многих из них в темноте и холоде, усугублялись отсутствием пригодной одежды, финансовых средств, топлива. Для изыскания средств на улучшение быта детей предполагалось проведение субботников и денежных лотерей. Лотерейные розыгрыши использовались как вспомогательная мера. Одним из мероприятий такого рода стала лотерея, осуществленная в июне 1922 года⁶⁷. Средства от продажи билетов вносились на текущий счет Губкомгола. Однако не всегда лотереи приносили сколько-нибудь значимые результаты, зачастую их реализация проходила слабо.

Производилась и эвакуация детского населения в более благополучные местности. Так, 1 апреля 1922 года в Челябинск прибыл Санитарный поезд №79 для погрузки голодных детей. Всего поездом было вывезено 1117 детей

⁶⁴ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 26. Л. 209.

⁶⁵ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 26. Л. 350.

⁶⁶ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 18. Л. 48-50.

⁶⁷ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 1. Л. 109.

и 28 руководителей, направленных из детских домов и приемников Губоно и барачников Губэвака. Начальник Губэвака фиксировал, что дети пребывали в антисанитарных условиях, находились в грязных рваных одеждах, были покрыты насекомыми, спали на грязном полу, были истощены и малокровны⁶⁸. Однако перед погрузкой они прошли санитарную обработку и были переодеты в чистое белье, хотя 239 человек было погружено в поезд без белья с последующей выдачей от поезда⁶⁹.

На всем протяжении кампании по борьбе с голодом наблюдались проблемы, снижающие эффективность всей работы центральных и местных органов. Она затруднялась, а зачастую и вовсе тормозилась сбоями в перевозке и задержкой грузов, предназначенных для региональных комиссий, поздними закупками продовольствия, недостаточным финансированием помощи голодающим. Возникающие трения между Губтрансом и Губпомголами из-за несвоевременной оплаты произведенных перевозок, разгрузок и выгрузок, отпуске бензина и т.д. приводили к скоплению продовольственных грузов на станциях, к его порче и утрате.

Проблема доставки семенного зерна из Сибири в нуждающиеся губернии, в т.ч. уральские, осложнялась имеющимися высокими тарифами на перевозки. Правление Союзбанка не раз обращалось в Линейно-эксплуатационный отдел движения службы Омской железной дороги о необходимости предоставления льгот или отмены платы на перевозку семенного материала. Однако это сделано не было, что ставило в затруднительное положение посевную кампанию 1922 года. Лишь после того, как проблема доставки семенного зерна в голодающие губернии была рассмотрена ЦК Помголом, ситуация разрешилась в пользу снижения провозного тарифа до 50% и установления внеочередной его доставки при наличии удостоверения местных комиссий Помголов. Но на практике

⁶⁸ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 2. Л. 239.

⁶⁹ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 2. Л. 240об.

простой грузов продолжались в силу отказа дороги от формы безденежной выдачи.

Не менее серьезной являлась проблема расхищения продовольственных грузов и топлива, особенно в прибывающих вагонах на станциях и железных дорогах Сибири. Случаи воровства голодных грузов были установлены на ст. Челябинск при обследовании вагонов, где временные пломбы и лобовые стенки были взломаны. При одном осмотре вагонов выявилась нехватка ста пудов груза⁷⁰.

Для предотвращения расхищения грузов на дорогах Сибири был принят ряд целых положений по охране железных дорог и транспорта. По ним, железные дороги вводились в режим военного положения, а лица, уличенные в посягательстве на транспорт, предавались суду по законам военного времени. С 1 февраля 1922 года запрещалось всякое хождение по железнодорожным путям на станциях посторонним лицам, начиная с 10 часов вечера и до 6 часов утра. Лица, задержанные в этот промежуток времени, подвергались аресту и принудительным работам сроком на 1 месяц, пытавшиеся похитить груз – предавались военно-революционному трибуналу⁷¹.

Наряду с этим было широко развито расхищение семян. Для проведения посевной кампании в апреле-мае 1922 года Продовольственная инспекция предлагала усилить внимание на охране семенного материала. Губинспекциям предлагалось следить за своевременной выдачей продовольствия и рассылкой его на места потребления. В соответствии с постановлением СНК о мерах по охране семенного зерна, охрана возлагалась на губисполкомы, милицию и воинские части⁷².

Сама Губернская комиссия помощи голодающим, оценивая деятельность волостных и сельских органов, видела ее незначительной и

⁷⁰ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 103. Л. 116.

⁷¹ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 103. Л. 61.

⁷² ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 26. Л. 388.

непродуктивной, считая, что их работа выражалась лишь в просьбах об отпуске продовольствия⁷³. Однако и местные комитеты, осознавая реальные проблемы пострадавшего населения и объем оказанной помощи, низко оценивали качество и эффективность работы вышестоящих Помголов⁷⁴. Жители же, которые не видели существенной поддержки со стороны государственных органов, теряли всякую надежду на будущее, впадали в панику, болели и умирали от голода, обращали им свои мольбы и требования о спасении⁷⁵. Руководствуясь указанием ЦК Помгол, все укомголы 15 октября 1922 года ликвидировались в связи с преодолением острой фазы голодной катастрофы.

Таким образом, государство в целях борьбы с бедствием использовало различные практики и меры для его преодоления, преимущественно, в рамках созданных комиссий помощи голодающим. Наряду с ними в дело помощи вовлекались крестьянские комитеты взаимопомощи и советские учреждения, в т.ч. Губнаробраза и Губздрава. Базовыми практиками, служившими купированию последствий бедствия, стали недели помощи голодающим, в рамках которых при широком использовании агитации и пропаганды осуществлялась совокупность мероприятий, направленных на сбор пожертвований, одежды, денежных средств: субботники, воскресники и т.д. В арсенал государственных методов входило налогообложение, существовавшее в различных видах, и изъятие церковных ценностей. Однако наиболее значимой формой помощи, исходящей от государства, выступали столовые общественного питания, широко распространившиеся на территории губернии, через которые производилась выдача продовольствия пострадавшему населению.

В ходе работы комиссии Помгола сталкивались с целым рядом трудностей, замедлявших процесс оказания помощи. Они были связаны с

⁷³ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 17. Л. 327.

⁷⁴ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 17. Л. 330.

⁷⁵ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 14. Л. 114-115, 180.

высокими тарифами на грузоперевозки, расхищением голодных грузов, неудовлетворительной логистикой, нехваткой подвижного состава для эвакуации населения, приспособленных помещений для питания и лечения пострадавших, скудостью средств на закупку и оплату продовольствия. Некоторые из них обуславливались отсутствием должного внимания к работе комиссий помощи голодающим со стороны центральных органов. Несмотря на многообразие применяемых практик, результаты кампании по борьбе с голодом не позволили в полной мере преодолеть последствия катастрофы.

Раздел 2. Взаимодействие советского правительства с иностранными миссиями помощи голодающим

Трагедия, поразившая территории Советской России, в частности Челябинскую губернию могла охватить гораздо более широкие масштабы, если бы не оказываемая помощь иностранных благотворительных организаций, осуществляемая в разных формах, но, в первую очередь, в виде продовольственных поставок. В рамках спасательной миссии голодающих Челябинской губернии на ее территории развернули свою деятельность Американская Администрация помощи, Чехо-Словацкое Отделение Миссии Нансена, Международный рабочий комитет и Центральный Дальне-Восточный комитет помощи голодающим.

Своими беспрецедентными масштабами оказываемой помощи Челябинской губернии выделялась Американская администрация помощи. Возникшая в 1919 году, она занималась реализацией гуманитарной помощи разным группам населения в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. Считаясь неправительственной организацией, возглавляемой министром торговли США Гербертом Гувером, она осуществила значительную по своим размерам операцию по спасению голодающих Советской России, в частности и Челябинской губернии.

Соглашение между РСФСР и АРА, заключенное 20 августа 1921 года в Риге, положило начало двухлетнему сотрудничеству в гуманитарной сфере. На плечи АРА ложилась доставка продовольствия и медикаментов, в то время как в обязанности Советской России входило их дальнейшее распределение внутри страны с соответствующей оплатой административных и транспортных расходов⁷⁶. Первоначально свою помощь АРА предполагала распространить лишь на нуждающихся детей и пребывающих в больницах. Однако, увидев масштаб и ужасы голодной

⁷⁶ Хмелевская Ю. Ю. Миссия выполнима? Американская филантропия против первого советского голода (к 90-летию начала деятельности американской администрации помощи на Урале, 1921-1923 гг.). // Вестник Пермского университета. – Пермь, 2011. – № 3. – С. 66.

катастрофы, в частности в Челябинской губернии, которая отличалась крайне тяжелым положением наряду с Башкирской республикой, в круг получателей помощи было вовлечено и взрослое население.

Свою деятельность в Челябинской губернии АРА фактически развернула с 19 марта 1922 года, хотя председатель Губпомгола Ершов еще в ноябре 1921 года требовал у ВЦИК ее направления в губернию, указывая на неспособность справиться с голодом собственными силами⁷⁷. Сельское население, узнав о том, что «американский народ пошел навстречу русскому народу, постигшему неурожаем, и дал помощь через Американскую администрацию», получило надежду на спасение в крайне трудное время⁷⁸. Перед приходом экспедиции АРА местным организациям предлагалось прояснить ситуацию, в которой находились районы Челябинской губернии: выяснить количество голодающих детей, а также произвести поиск необходимых помещений для размещения ее контор и складов.

Инспектором конторы АРА по Челябинскому району был Начполе, должность Уполномоченного полномочного представителя при всех заграничных организациях занимал Дамберг. Штат сотрудников Американской администрации помощи варьировался в зависимости от уезда. Так, в Миасском уезде насчитывалось 24 человека⁷⁹. В Троицкой конторе работало 40 человек. В их число вошли: районный инспектор, городской инструктор, инструктор, старший счетовод, счетовод, делопроизводитель, конторщик, весовщик, заведующий складом, рассыльный, уборщица и др. Возраст самого младшего сотрудника не превышал 16 лет, старшего – 57⁸⁰.

Основными направлениями деятельности АРА стали поставка продовольствия в Советскую Россию, открытие пунктов общественного питания и столовых, как для детей, так и для взрослого населения,

⁷⁷ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 26. Л. 19.

⁷⁸ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 103. Л. 422.

⁷⁹ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 103. Л. 482.

⁸⁰ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 103. Л. 459.

проведение медицинских и санитарных акций, работ по восстановлению инфраструктуры губернии.

Самой эффективной формой работы Администрации стало открытие столовых общественного питания. С начала своей деятельности и по 23 сентября 1922 года посредством открытия столовых АРА для детей и выдачи сухих пайков взрослым было распределено разных продуктов в объеме более 45 тыс. пудов⁸¹. Набор отпускаемого продовольствия был достаточно широк, но наибольшая доля приходилась на кукурузу. Затем, существенно уступая по объему, следовала мука, манная крупа, рис, а также какао, сахар, консервированное молоко, сало, соль, масло, мыло. Стоимость грузов, доставленных в РСФСР в денежных знаках 1922 года оценивалась в 664648710 рублей.

Столовые, организованные АРА для кормления детей, функционировали и в присоединенном к Челябинской губернии Златоустовском уезде. В самом городе их насчитывалось 5 с количеством отпущенных детских пайков, оцениваемых в 11480 пудов⁸². В самом Челябинске действовало 7 питательных пунктов, открывшихся в середине апреля⁸³. Первая детская столовая была открыта на Переселенческом пункте 14 апреля 1922 года и была самой массовой по количеству кормящегося детского населения в день, пропуская 1500 детей⁸⁴. В целом ежедневная пропускная способность по Челябинску составила 5000 детей⁸⁵.

Своим размахом помощь, оказываемая АРА, отличалась в Троицком уезде, где количество голодающего населения среди всех уездов Челябинской губернии было максимальным. В частности 4 мая 1922 года голодающим уезда было отпущено 29500 детских пайков⁸⁶. На втором месте по объемам оказываемой помощи находился Челябинский уезд с

⁸¹ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 74. Л. 20.

⁸² ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 77. Л. 7.

⁸³ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 103. Л. 30.

⁸⁴ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 103. Л. 68.

⁸⁵ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 103. Л. 68.

⁸⁶ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 103. Л. 43.

количеством отпущенных пайков для детей 19500, затем – Миасский, получивший 18500 пудов. С каждым днем оказываемая помощь увеличивалась. В частности 11 мая 1922 года Челябинскому уезду было назначено уже 26000 детских пайков, Миасскому – 24500, в свою очередь помощь Троицкому уезду практически увеличилась в 1,5 раза и составила 42000 в виде отпускаемых детских пайков⁸⁷. В мае 1922 года в Троицком уезде функционировало 65 столовых, в Миасском – 55, в Челябинском – 30⁸⁸.

Губернские органы, в частности губкомгол, почувствовав положительный эффект от реальной работы АРА по снабжению голодающего населения, на одном из заседаний президиума, состоявшегося 15 мая 1922 года, предложил передать на содержание американцев беженцев и взрослое больное население, находившееся в ведении Губэвака⁸⁹. На заседании 29 июня было предложено ходатайствовать перед АРА об отпуске продовольствия для медперсонала госпиталя №920. Гуманитарная помощь со стороны АРА действительно была ощутима и признаваема как органами, так и населением. В условиях неустойчивого продовольственного положения и необеспечения продовольствием населения осенью 1922 Верхнеуральский уисполком посредством Губисполкома просил АРА о продолжении общественного питания до тех пор, «пока население почувствует известную силу»⁹⁰.

«Советская правда», освещавшая на своих страницах деятельность АРА, сообщала, ссылаясь на данные губпомгола, что в июле 1922 года на обеспечении организации находилось 84% всего населения района (Челябинско-Кустанайско-Еланского)⁹¹.

Не все столовые, запущенные АРА, находились в удовлетворительном санитарном состоянии. Так, при осмотре инспектором Губздрава помещений

⁸⁷ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 103. Л. 50.

⁸⁸ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 103. Л. 54.

⁸⁹ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 103. Л. 113.

⁹⁰ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 15. Л. 52.

⁹¹ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 15. Л. 52.

одной из столовых было установлено, что ее комнаты имели грязный вид, требующий побелки, помойные и выгребные ямы не очищались. Однако продукты, в частности какао и хлеб, оказались доброкачественны. Халаты на обслуживающем персонале являлись грязными. Штат служащих и рабочих столовой АРА медицинскому осмотру не подвергался, поэтому санитарные книжки не имелись.

Другим направлением работы АРА являлось обеспечение медикаментами пациентов медицинских заведений и лечебных учреждений. По объему поставок в составе этих грузов преобладала борная кислота, аспирин в таблетках, спирт. Так, Троицкими лечебницами в августе 1922 года было получено 6605 борной кислоты, 2000 таблеток аспирина, спирта – 5475⁹².

Также как и государственные организации Советской России АРА в своей деятельности сталкивалась с рядом серьезных проблем. Затрудненной была транспортировка и доставка грузов, непосредственно связанная с «плохим транспортом», в результате чего голодные грузы передавались не по назначению. В частности, такой случай произошел в Верхнеуральском уезде, когда 3050 детских порций были отправлены не голодному населению названного уезда, а Миасскому⁹³. Наблюдались случаи кражи и порчи продуктов АРА. Денежная необеспеченность местных органов власти и Помголов тормозила открытие столовых, снабжаемых АРА⁹⁴. Существовала реальная угроза их закрытия, вызванная недостаточностью средств уездных помголов на оплату жалованья сотрудников Американской администрации помощи.

В целом, советские органы довольно часто не выполняли свою часть обязательств, закрепленных Рижским договором, что, безусловно, препятствовало эффективному оказанию помощи голодающим. В частности

⁹² ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 103. Л. 415.

⁹³ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 15. Л. 36.

⁹⁴ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 14. Л. 225.

об этом заявляет Президиум Губисполкома, говоря о несоблюдении и формальном отношении к требованиям иностранных миссий, несвоевременном предоставлении им помещений, транспортных средств и др. Для ликвидации подобных случаев виновные лица привлекались к административному наказанию.

Но наибольшей проблемой для сотрудников АРА являлась подозрительность и недоверие к ней со стороны центральных и местных органов. На губернском уровне власти были обеспокоены распространением влияния АРА как на население, так и на некоторые организации и государственные структуры, включая помголы, волисполкомы и сельсоветы. Это, по их мнению, давало возможность американцам определять образ мыслей людей в РСФСР. Еще в условиях Рижского договора подобные опасения были оговорены: советская сторона потребовала от АРА отказа от осуществления на территории России какой-либо политической деятельности и сосредоточении на гуманитарных программах. Тем не менее, на практике советские власти продолжали видеть в Американской администрации помощи, прежде всего, политическую организацию, нацеленную на диверсионную работу. В качестве доказательств этому приводились требования со стороны АРА невмешательства в ее внутренние дела, стремление овладеть доверием населения и использовать его для подрыва авторитета местных Помголов, которые не смогли в достаточной мере развернуть эффективную деятельность по преодолению бедствия по причине отсутствия материальных средств⁹⁵. Кроме того, местные власти обращали внимание на сложившийся в некоторых регионах порядок, при котором не только население, но и профсоюзы, помголы, обходя соответствующие советские организации помощи голодающим, обращались непосредственно к АРА. Естественно такое усиление влияния Американской администрации было нежелательным и требовало выработки определенных стратегий взаимодействия местных органов и АРА, при которых сохранялся контроль

⁹⁵ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 103. Л. 115.

советских властей за деятельностью иностранных благотворителей, но помощь голодающим регулярно поступала, а открытых конфликтов удавалось бы избегать. В качестве такого решения был принят порядок, при котором все требования и предложения АРА проходили непосредственно через председателя (уполномоченного) Помгола или губисполкома и не допускалось прямое обращение работников советских учреждений и профсоюзов за предоставлением продовольственного пайка к Американской администрации. Также предполагалось внедрение партийных и профессиональных работников в работу АРА с целью поднятия авторитета первых.

Наряду с Американской администрацией помощи, одной из первых организаций, оказавшей содействие Советской России в борьбе с бедствием, явился Международный рабочий комитет помощи голодающим (Межрабпом). Начало организации было положено 12 августа 1921 года в Берлине с создания по инициативе Ленина «Заграничного комитета для организации международной помощи голодающим Советской России». В его состав вошли представители социалистических и коммунистических партий и объединений Европы и Америки, а также рабочие. Функции председателя взяла на себя Клара Цеткин, должность секретаря комитета занял Вилли Мюнценберг, представителем организации в Москве стал Франческо Мизиано.

Деятельность Межрабпома в Челябинской губернии развернулась в конце февраля 1922 года. С прибытием организации положение голодающих весьма улучшилось, поскольку по своему приезду сразу же была начата работа по распределению продуктов голодающему населению. Основная помощь оказывалась детям Губернского отдела народного образования и больным Губернского отдела здравоохранения, а также пролетариям. С марта начали функционировать столовые Межрабпома. Их было открыто 11, на

попечение было взято 58 детских домов, 2 профессиональные школы, 1 дом отдыха, где получали питание 54 взрослых и 8156 детей⁹⁶.

Основной продуктом, доставляемым в Россию в рамках продовольственной помощи являлась мука. С начала деятельности комитета по 1 октября 1922 года ее было отпущено 73355 пудов. Следующим по значимости и важности продуктом являлся картофель, переданный в объеме 60000 пудов, рис – 52504 пуда и молоко – 29416 пудов. Наряду с ними отпускались какао, маргарин, бобы, мясные консервы, макароны, мучные изделия, мыло, печенье, варенье, вермишель и др. Всего в адрес Челябинского отделения Межрабкома прибыло около 400 тыс. пудов продовольствия⁹⁷. В апреле Челябинскую губернию посетили члены Международного рабочего комитета – Маргарита Росмер, Асмер Цеткин и др. Ими было привезено 36 вагонов продовольствия.

Рабочие Челябинской губернии также получали непосредственную поддержку от Межрабкома. Для занятых на строительных работах в марте-апреле было отпущено 7000 пудов хлеба, а для работников отрасли дорожного ремонта и ремонта подвижного состава выделено 4000 пудов⁹⁸.

В мае 1922 г. Председатель Челябинского губернского Совета народного хозяйства Владимир Иванович Мухин и представитель Международного рабочего комитета Маргарита Росмер заключили договор о снабжении рабочих промышленных предприятий на три месяца. Для усиления пайка Межрабпомом на период, обозначенный в договоре, были выделены следующие продукты: мука – 8565 пудов, жиры – 268 пудов, овощи и фрукты выделялись по возможности. Гарантии о выполнении договора были даны каждой стороной, причем Председатель Совета

⁹⁶ Космачева Т. С. Деятельность европейских общественных организаций на Южном Урале во время голода 1921-1922 годов. // Вестник Челябинского государственного университета. История. – Челябинск, 2009. – № 31. – С. 81.

⁹⁷ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 74. Л. 19об.

⁹⁸ Цит. по: Космачева Т. С. Деятельность европейских общественных организаций на Южном Урале во время голода 1921-1922 годов. // Вестник Челябинского государственного университета. История. – Челябинск, 2009. – № 31. – С. 82.

Народного хозяйства обязался предоставить Межрабпому детальный отчет о ходе строительных работ и распределении продуктов между рабочими, а представители комитета могли в любой момент осмотреть объекты строительства.

7 июля 1922 г. было подписано соглашение, заключенное между Губернским отделом народного образования Челябинской губернии и представителями Межрабпома, по итогам которого на полное обеспечение организации был передан детский городок на Смолинском озере⁹⁹. Нескольким детским домам ГубОНО в ежедневный рацион детского питания, распространявшегося на 9787 детей, Межрабпомом было добавлено из дополнительных ресурсов следующее количество продуктов: риса - 4 золотника, сушеных фруктов - 8 золотников, сгущенного молока - 1/16 банки, какао - 1 золотник, маргарин - 2 золотника¹⁰⁰. Увеличение числа отпускаемых пайков, бесспорно, благоприятно сказалось на состоянии детей.

Кроме обеспечения нуждающихся продовольствием помощь комитета выражалась и в снабжении населения одеждой и обувью. Доминирующей формой отпуска одежды являлись головные уборы (шапки, шляпы, фуражки, капоры). В июне их прибыло в количестве 1764 штуки, затем панталоны и кальсоны – 1696, носки – 1242 пар и платья, отпущенные в числе 1045 штук¹⁰¹. Также комитетом были снабжены одеждой и обувью 4 рабочих больницы, 3 дома юношества рабочей молодежи, 3 столовых для детей рабочих, 25 детских домов, 2 рабочих дома отдыха, 5 профессионально-технических школ, 2 техникума и 2 курорта¹⁰².

Оказание помощи со стороны Межрабпома голодающим Челябинской губернии осуществлялось и в 1923 году в ходе преодоления последствий

⁹⁹ Космачева Т. С. Деятельность европейских общественных организаций на Южном Урале во время голода 1921-1922 годов. // Вестник Челябинского государственного университета. История. – Челябинск, 2009. – № 31. – С. 82.

¹⁰⁰ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 2. Д. 1. Л. 152об.

¹⁰¹ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 103. Л. 428.

¹⁰² Цит. по: Космачева Т. С. Деятельность европейских общественных организаций на Южном Урале во время голода 1921-1922 годов. // Вестник Челябинского государственного университета. История. – Челябинск, 2009. – № 31. – С. 82.

голода. На полном попечении организации еще в феврале 1923 года находилось 200 детей, пребывающих в Смоленском детском городке и 150 детей Курганской колонии.

Список служащих Межрабкома был достаточно скромен по сравнению со штатом АРА. Его составляли секретарь, контролер, машинистка, конторщик, заведующий складом, приемщик, рабочий, рассыльный, прислуга и рабочий.

Партийный аппарат отмечал, что взаимодействие с Межрабпом велось продуктивнее, чем с остальными организациями, предъявлявшими лишь набор условий, без осуществления которых, отказывались оказывать гуманитарную помощь голодающим.

Третьим по счету для оказания помощи голодающему населению Челябинской губернии прибыл Центральный Дальне-Восточный комитет помощи голодающим. Его представители начали свою работу 25 мая 1922 года на основании заключенного 1 мая 1922 года соглашения о помощи ЦДВК голодающим детям Челябинской губернии. Именно они стали основным адресатом поставок комитета.

Дальне-Восточному комитету передавались некоторые детские дома губернского отдела народного образования, расположенные в Верхне-Уральском уезде с количеством проживающих в них детей 2000 человек¹⁰³. В рамках оказания помощи детскому населению Коллегией Уполномоченных Ц.Д.В.К. было взято на полное обеспечение 14 детских домов с количеством питающихся 1587 человек в г.Челябинске и 222 человека обслуживающего персонала. Продовольственная помощь оказывалась не только детям из детских домов, но и детям, не находящимся в детских учреждениях. В частности в Шумихинском районе было открыто 17 детских столовых с

¹⁰³ Космачева. Т. С. Государственные и общественные организации России и Зарубежья в борьбе голодом 1921-1922.: автореф.дисс. ...к.и.н. – Оренбург, 2009. – С. 17.

пропускной способностью в сутки 4945 детей и 176 человек взрослого обслуживающего персонала¹⁰⁴.

На 1 августа 1922 года Дальневосточный комитет помощи детям содержал 11 детских столовых, 2 из которых были расположены в Чумлякской волости с оборотом в 700 человек, в Птической – 3 столовые с количеством питающегося населения 17000 человек, в Сухоборской – пять столовых, обеспечивающих 2300 человек и в Шумихинской волости 1 столовая на 350 человек¹⁰⁵.

За время функционирования детских пунктов, организованных ЦДВК было получено и распределено по действующим детским учреждениям 46602 пуда разных продуктов¹⁰⁶. Кроме того, прибыло 23 вагона из ДВР и 8 вагонов из Харбина. Наряду с этим ЦДВК организовывали специальные мастерские, где дети занимались изготовлением необходимого инвентаря, одежды и др.

С просьбой к зарубежной общественности и творческой интеллигенции об оказании продовольственной и медицинской помощи голодающим Советской России еще в июле 1921 года обращался писатель Максим Горький. На его призыв откликнулись многие, в их число входил и Фритьоф Нансен, полярный исследователь, учёный, с 1919 года занимавшийся оказанием помощи беженцам, пленным и голодающим. На конференции общественных организаций Лиги наций, проходившей в Женеве 16 августа 1921, года было принято решение о создании Международного комитета помощи голодающим в целях координации деятельности всех иностранных организаций, действовавших в Советской России. В конференции приняли участие более ста делегатов, представлявшие 30 организаций из 22 стран. По предложению конференции возглавил данную комиссию именно Фритьоф Нансен. Уже 27 августа доктор Нансен спешно вылетел в Москву, где было подписано соглашение с советским правительством от лица 67

¹⁰⁴ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 74. Л. 21об.

¹⁰⁵ Советская правда. – 1922. 23 августа.

¹⁰⁶ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 74. Л. 21об.

общественных организаций. В целях ознакомления с положением голодающего населения и состоянием губерний Нансен лично в декабре 1921 года посетил город Бузулук.

В конце марта 1922 года для оказания помощи голодающим Челябинской губернии прибыло Чехо-Словацкое Отделение Миссии Нансена. Главой отделения был назначен Бравец. Непосредственная деятельность организации началась 5 апреля 1922 года, а первые продовольственные пайки были получены через 10 дней.

Первоначально помощь была направлена голодным детям учреждений Губернского отдела народного образования и Губернского здравоохранения города Челябинска и уездов. С увеличением поставок продовольственных грузов в адрес миссии Нансена район ее деятельности распространился на Курганский уезд. В июне 1922 года в Кургане была открыта кафе-столовая на 3200 человек. В волостях на этот момент функционировало 138 столовых с количеством кормящегося населения 32100 человек¹⁰⁷. Однако за неимением других продуктов Чехо-словацким отделением отпускались лишь сахар и сельдь. Поставки муки в Курган в количестве 11 вагонов были направлены в июне 1922 года.

Непосредственно в уезде было открыто 142 столовых с суточной пропускной способностью 35922 ребенка в день¹⁰⁸. Перечень выдаваемых продуктов был не слишком широк по сравнению с АРА и включал в себя следующие продукты: кукуруза, мука, какао, молоко, сахар, сельдь, черносливы, рыбий жир. На конец августа 1922 года количество столовых увеличилось до 148, ежедневно пропуская до 40000 человек¹⁰⁹.

Наряду с продовольствием Миссией Нансена отпускались и медикаменты. В Челябинское отделение здравоохранения было направлен вагон медикаментов для распределения между больницами. Было принято 37

¹⁰⁷ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 103. Л. 113.

¹⁰⁸ ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 74. Л. 22.

¹⁰⁹ Советская правда. – 1922. 24 августа.

ящиков медицинского имущества, полученного от контролера Миссии Нансена.

Деятельность Чехо-Словацкого отделения миссии Нансена была остановлена 7 октября 1922 года, а к ноябрю была ликвидирована.

Таким образом, во время голода 1921-1922 гг. на территории Челябинской губернии функционировали следующие зарубежные организации: Американская администрация помощи, Международный рабочий комитет помощи голодающим, Чехо-Словацкое отделение Миссии Нансена и Центральный Дальне-Восточный комитет помощи голодающим. Наиболее существенный вклад в ликвидацию голода внесла АРА, открывавшая столовые общественного питания, доставлявшая медикаменты, одежду и обувь. Широко развернув свою деятельность, АРА ежедневно увеличивала масштабы оказываемой помощи и ареал распространения, особенно в Троицком уезде. Пребывая на территории России, АРА сталкивалась с рядом проблем, начиная от обвинений в контрреволюционной деятельности, кончая кражами, порчей грузов, формальном отношении со стороны советских властей и неспособности их несвоевременно создавать условия для ведения работы Администрации. Однако ее деятельность высоко оценивалась населением. Помощь, предоставляемая в первую очередь детям, в т.ч. Губернского отдела народного образования и Губернского здравоохранения, реализовывалась Чехо-Словацким отделением Миссии Нансена, и выражалась в открытии столовых, поставках медикаментов. Важным являлось содействие Межрабпома, чья помощь направлялась не только детям, но, по большей части, рабочим предприятий. Определенную роль в обеспечении детей сыграла Дальне-Восточная комиссия, ею были взяты на попечение детские дома, а также открыты детские столовые и организованы мастерские, в которых дети получали необходимые трудовые навыки.

Раздел 3. Формирование официальной репрезентации голода в советских газетах

Современная историческая наука в вопросе о главных причинах голодной катастрофы 1921-1922 гг. в качестве решающего фактора видит продовольственную политику Советского государства, которая осуществлялась в рамках военного коммунизма. Продразверстка, деятельность продотрядов, запрет частной торговли и др. приводили крестьянские хозяйства к разорению, хозяйская инициатива парализовалась, у семей изымались не только излишки, но и необходимое для пропитания и посева зерно. Вследствие изъятия урожая в 1920 году и засушливого неурожайного 1921 года, в стране наступил голод.

Но причины голодной катастрофы проистекали не только из советской политики, они уходят корнями в события Первой мировой войны, которые разбалансировали экономическую систему, подорвали трудовой потенциал российской деревни, нарушили систему обмена города и деревни, повлекли за собой колоссальные людские потери. На протяжении всей военной кампании прослеживались тенденции ухудшения обеспечения страны хлебом, падения валового сбора зерна из-за сокращения посевных площадей, мобилизации мужского трудоспособного населения и изъятия лошадей из деревни для военных нужд¹¹⁰. Революция 1917 года и разразившаяся Гражданская война еще более усугубили экономическую ситуацию в России.

Уже в начале 1920-х годов «Правда» сообщала о тревожной продовольственной ситуации в стране. Заявляя о кризисе во многих регионах страны, газета признавала и тот факт, что выдача хлеба в Москве проводилась нерегулярно. Заметки о голоде создавали тревожное настроение, сообщая, что неурожай, ставший его основной причиной, имеет характер общероссийского бедствия и несет в себе негативные последствия для всей хозяйственно-политической жизни страны. Территория, пораженная

¹¹⁰ Каракулов Д. В. Голод 1921-1922 гг. на Урале: дисс. ...к.и.н. – Екатеринбург, 2000. – С. 11.

неурожаем очень обширна: с востока на запад она простиралась более чем на пятьсот верст, с юга на север не более полутора тысяч верст¹¹¹. И даже несмотря на уверения, что объем урожая, собранный в 1921 году на двести миллионов превышает показатели прошлого года, бедствие представлялось тяжелым.

В материалах конца мая 1921 года «Правда» называла широкий перечень причин назревавшего социально-экономического потрясения. Они виделись в задержке транспорта при отправке продовольствия в Центральную Россию, перерасходе запасов зерна осенью и в начале зимы 1920 года, в выделении его значительных объемов на усиление семенного фонда, а также в «бесчинствах различных мелких шаек эсеровских бандитов», которые разоряли ссыпные пункты. По данным газеты, ими было уничтожено около 6 млн. пуд. хлеба¹¹². Неблагополучие, предпосылки которого осознавались уже зимой 1920-1921 гг., усилилось весной-летом из-за недостатка семян, обусловившего сокращение посевной площади. Еще одной причиной голода, которую отмечала газета, являлось нашествие вредителей, в частности, саранчи, которая поразила Оренбургскую губернию. С июня 1921 г. сообщения в газетах, в т.ч. в «Известиях» подготавливали население к предстоящим недородам хлебов, указывая, что засуха «необычайно губительно» отразилась на Поволжье и Татарской республике, а состояние озимых и трав в других регионах было ниже среднего¹¹³.

О влиянии Первой мировой войны на события начала 1920-х гг. материалы центральной прессы упоминали мало, заявляя, что она ослабила хозяйство страны, лишив его «значительной части живого и мертвого инвентаря». Однако «Советская правда» в августе 1922 года выделяла Первую мировую и Гражданскую войны и связанные с ними нарушения хозяйства: отвлечение в армию работников, сокращение скота и скупку хлеба

¹¹¹ Правда. – 1921. 23 июля.

¹¹² Правда. – 1921. 26 мая.

¹¹³ Известия. – 1921. 23 июня.

на нужды войны, разрушение путей сообщения и торговых связей. В 1921 году кризис сельского хозяйства получил углубление, связанное с неурожаем, ставшим последним ударом, окончательно подорвавшим сельское хозяйство, наряду с которым указывалась и продразверстка, взявшая в губернии 10843 пудов хлебных запасов и 618101 пудов мяса¹¹⁴.

Основная причина случившегося бедствия со страниц представленных газет виделась в «страшном несчастье» - засухе, продолжавшейся с марта по июнь, погубившей весь урожай и сведшей на нет кормовые травы¹¹⁵. Заголовки и статьи газет оперировали выражениями «неурожай», «борьба с последствиями неурожая», «засуха», акцентируя внимание на объективных (погодных) причинах оправдания бедствия. Сравнивая погодные условия августа и сентября 1920 и 1921 годов, специалисты заявляли, что погода в 1920 году была теплая и сухая. Август 1921 года характеризовался крайней неустойчивостью погоды с преобладанием сухости. Была заметна скудность осадков, что повлияло на их количество в бассейне Волги, которых было около половины нормы.

Связывая голод с погодными условиями, 30 июня «Правда» писала: теперь крестьянину больше, чем когда бы то ни было, будет понятна, близка и ясна связь между положением, зависящим от случайности погоды, и теми нашими мероприятиями в области улучшения сельского хозяйства, которые способны ослабить влияние этих враждебных сил природы¹¹⁶. Государство признавало отсталые формы ведения сельского хозяйства, отсутствие существенных мероприятий по мелиорации пахотных земель, отсталость сельскохозяйственной техники.

Однако советская власть путем осмысления причин голода на газетных страницах использовала нарратив о нем для обоснования, утверждения и оправдания большевистской политики в деревне. Репрезентация голода

¹¹⁴ Советская правда. – 1922. 30 августа.

¹¹⁵ Известия. – 1921. 31 июля; Правда. – 1921. 12 июля.

¹¹⁶ Правда. – 1921. 30 июня.

являлась инструментом, оправдывающим проведение преобразований, в частности, введение сельскохозяйственной кооперации, вытеснение частного производителя, введение продналога, усиление товарообмена между городом и деревней, повышение механизации сельского хозяйства.

Первые сообщения о голоде, появившиеся в газетах в конце июня 1921 года, указывали масштабы бедствия, охватившего 25 миллионов человек, и «зоны поражения», в которые вошли Уфимская, Царицынская, Саратовская, Самарская, Симбирская, Вятская, Пермская, Ковенская губернии и Северный Кавказ¹¹⁷. Позднее было заявлено, что голодающего населения насчитывалось 30 миллионов человек¹¹⁸.

От неурожая пострадала Украина. В частности Запорожская губерния с численностью голодающего населения в 175 тыс. человек, включая 5 тысяч переселенцев из Поволжья. На Урале недородом оказались охвачены Екатеринбургская, Тюменская, Челябинская губернии¹¹⁹. По сообщениям центральной прессы, более всего неурожай отразился на Саратовской, Самарской, Симбирской губернии и Татарской республике. Особенно широко фигурировала Саратовская губерния, где, согласно материалам «Правды» сложилось наиболее плачевное состояние. Голодающего населения Татарской республики насчитывалось около 2 миллионов человек, преимущественно сельского. Пострадала от неурожая и Башкирия, где кризисная ситуация усугублялась пожарами в аулах и холерой, унесшей до тысячи жизней за полтора месяца, и Приволжский район.

Масштабы трагедии, охватившей значительную часть Советской России, требовали от большевиков подачи проблемы в прессе таким образом, чтобы привлечь внимание населения и мотивировать его на оказание помощи голодающим, особенно в условиях недостаточности государственных ресурсов для преодоления бедствия. Для привлечения внимания к

¹¹⁷ Правда. – 1921. 26 июня.

¹¹⁸ Правда. – 1921. 21 августа.

¹¹⁹ Правда. – 1921. 25 ноября.

нараставшим и усугублявшимся проблемам в качестве главных пострадавших были использованы дети. Газетами формировался трагичный образ в освещении их быта и повседневности. Газеты заявляли о большом количестве беспризорных, численность которых ежедневно увеличивалась, их занятиях, сводившихся к воровству, нищенству и проституции. Наряду с тем, освещались случаи ежедневного оставления детей у советских учреждений, на базарах и улицах. Так, по сообщениям «Правды» в Самаре ежедневно собиралось с улицы до 200 детей, из которых 40 процентов являлись больными. Увеличивалось подкидывание детей в учреждения подотдела охраны младенчества. Например, в Самаре их было подкинуто в июне – 121, в июле – 142, в августе – до 15 детей в день¹²⁰. В результате дома для сирот оказались переполнены. Детская смертность принимала колоссальный характер, что наблюдалось по всем голодающим регионам. Проблему усугубляло отсутствие помещений, кроватей, столов, стульев, столовой посуды для обеспечения детей. Обычным явлением становились дети, бегающие босяком по снегу.

По материалам газет, тяжелее обстояло дело питания детей в уездах, связанное с отсутствием развитой транспортной системы и регулярного снабжения. Так, в Ново-Увенском уезде Саратовской губернии дети получали лишь 15-20 процентов компродовской нормы¹²¹. Наблюдалась большая заболеваемость и смертность, особенно у детей до 3 лет. При врачебном осмотре 4712 детей выяснилось, что 14 процентов из них болели малокровием, около 2 процентов – туберкулезом, 6 – цингой, 14 – кожными заболеваниями и т.д.

Одним из самых ужасающих проявлений голода, сказавшимся на детях, стала практика детоубийства с тем, чтобы уменьшить количество едоков в семье. По уверениям «Правды», эти поступки обуславливались не жестокостью родителей, а невозможностью наблюдать мучительную смерть

¹²⁰ Правда. – 1921. 14 сентября.

¹²¹ Там же.

своих чад. Данный способ выживания был зафиксирован на начальной стадии трансляции проблемы в СМИ, что позволяет говорить о предпринимаемых мерах советского правительства, вызывающих к чувствам и эмоциям людей с целью показать серьезность положения и мобилизовать их на борьбу с голодом.

Положение детей было настолько тяжелым, что в качестве помощи их брали на попечение в семьи. Возлагая на эту форму поддержки определенные надежды по спасению детей, «Правда» описывала, с каким рвением взрослое население приходило в приюты, чтобы забрать детей. В случае, если попечителям не доставалось ребенка, их заверяли, что в скором времени придут дети из эвакуированных регионов, которых они смогут забрать на попечение. Так, в Покровском приемнике необходимо было ждать 15 февраля. По сообщениям газеты, «разочарованные просители, пораженные неудачей, расходились, считая по пальцам, сколько дней оставалось до 15 февраля»¹²². Данные образцы поведения, репрезентировавшиеся на страницах газеты, служили прецедентами нового способа оказания помощи и способствовали стимулированию населения к оказанию аналогичной помощи детям.

Наряду с этим, по сообщениям прессы, постепенно происходило улучшение жизни и быта детей. Оно выражалось в повсеместном открытии детских домов, ремонте учреждений, устройстве детей в детские дома, ясли, санатории, детские сады и школы, проведении медицинских осмотров и психологических наблюдений, субботников. Так, в октябре 1921 г. субботник прошел в Воронеже. В ходе мероприятия производились санитарные акции, оборудование помещений, изготовление одежды¹²³. Заводы и фабрики работали на нужды детей.

Со страниц газет проблема голодающих детей Советской России и голод в целом трактовались как важная тема, нашедшая широкий отклик в

¹²² Правда. – 1922. 9 февраля.

¹²³ Известия. – 1921. 22 октября.

международной рабочей среде и обсуждаемая в зарубежных государствах. Как рассказывали газеты, немецкие и английские пролетарии, желая помочь пострадавшим, выразили готовность принять в свои семьи тысячи детей из России, а советское правительство начало отправку здоровых, умственно развитых детей, преимущественно мальчиков, за границу, где их пребывание предполагалось до 17-летнего возраста¹²⁴.

Сборы средств на Западе в помощь голодающим в России, в т.ч. в Германии, Бельгии, Швейцарии, Голландии, Чехословакии, Австрии, Англии, Франции, Испании, Италии, Португалии велись как социалистическими, коммунистическими партиями, профсоюзами и специально созданными комитетами. С октября 1921 г. помощь западных рабочих организаций, приняла организованный характер, заменив частную инициативу. Эти знаки помощи фиксировались советскими газетами в рубрике «отклики за границей».

«Горячо» откликнулся на помощь голодающим и союз коммунистической молодежи Запада. Его представители во всех странах принимали участие в местных и центральных комитетах помощи, созданных коммунистическими партиями. Особенно энергичная деятельность прослеживалась в Скандинавии, Германии, Франции, Голландии. «Правда» заявляла об отзывчивости и преданности данных деятелей делу помощи. На собранные деньги в Самаре был учрежден первый детский дом, имевший название «Детский дом Люксембург – Либкнехт»¹²⁵. Трансляция содействия, реализуемого рабочими и членами коммунистических партий, демонстрировала связь пролетариев и молодежи Запада с Советской Россией, её крестьянами и рабочими. С другой стороны, важно было показать роль и значение этой классовой группы. При этом «Известия» указывали, что помощь, оказанная зарубежными иностранными организациями на конец ноября 1921 года, составила 70 миллионов марок.

¹²⁴ Правда. – 1921. 14 октября.

¹²⁵ Правда. – 1921. 25 ноября.

Помимо акций, осуществляемых международным рабочим классом, помощь голодающим оказывали дети из рабочих семей Запада. Их поддержка выражалась в рождественских подарках и письмах, отправлявшихся в Россию из Германии, Франции и др. стран. В газетах публиковались выдержки из писем иностранных детей, в которых они высказывали сочувствие и утешение голодающим советским братьям. Эти репрезентации представляли проблемы Советской России в широком международном контексте, акцентировали внимание на готовности западных пролетариев оказать поддержку бедствующему населению, что в условиях установления и упрочения советской власти, поиска союзников, установления дипломатических отношений и налаживания экономических связей было важным. Кроме того, использование положения детей может быть связано со стремлением вызвать наибольшее сочувствие и созданием образа большевиков как благодетелей в глазах мировой общественности.

По заверениям «Советской правды», положение детей в Челябинской губернии как в плане материальном, так и гигиеническом улучшилось к осени 1922 года, главным образом, благодаря помощи зарубежных организаций. Газета формировала представление о благополучии детей и комфортности мест их пребывания. Примером одного из самых благоустроенных детских учреждений являлся дом им. К. Маркса, где было отремонтировано и выбелено помещение, а также был устроен садик с площадкой для игр¹²⁶. Подобное улучшение повседневности детей связывалось с постепенным завершением кампании по борьбе с голодом, в рамках которой властям важно было показать определенные мероприятия и результаты работы.

В качестве еще одного сюжета, способного пробудить интерес к проблематике и апеллировать к чувствам, стал подробный рассказ о продовольственном положении населения пострадавших районов, их пищевом рационе. Газеты подчеркивали, что в условиях недостатка

¹²⁶ Советская правда. – 1922. 1 сентября.

нормальной пищи, люди перешли к употреблению суррогатов: листьев деревьев, травы, ильмовой коры (вяза) и лебеды¹²⁷. По сообщению оренбургского представителя комиссии помощи голодающим Мороза, люди набрасывались на арбузные корки, рыли помойные ямы, чтобы чем-нибудь утолить свой голод. Наблюдались случаи поедания кошек, собак. Нансен, обследовавший голодные регионы, фиксировал ужасающую картину: основная масса населения, особенно сельской местности, питалась остатками соломы, растертой в каменной ступе вместе со жмыхами, подсолнечником, тертой дубовой корой, глиной и костяной мукой. Наряду с тем указывалось, что лошадей держали на подвесках, детские трупы лежали на задворках.

В период максимального ухудшения положения зимой-весной 1922 года, газеты, особенно региональные, открыто писали о фактах людоедства и трупоедства, распространенных в пострадавших губерниях. Так, в Самаре две женщины – людоедки съели два детских трупа и умершую хозяйку избы¹²⁸. В Пугачевском уезде был зафиксирован случай доставки вареного человеческого мяса, добытого на кладбище, в правление потребобщества в размере 10 ф, которым питалось десять семей¹²⁹. Человеческие тела выкапывались из могилы, частью употреблялись в пищу.

«Советская правда», описывая особенно тяжелое положение Миасского и Верхне-Уральского уездов Челябинской губернии, представляла мрачную картину: опустевшие, поросшие травой и бурьяном поселения, где численность жителей достигала лишь половины от их количества в 1921 году. Большая часть людей в поселках и деревнях умерла, дома, поросшие полынью и лебедой, были полуразрушены, дети похищались на съедение, широко распространялось трупоедство и бандитизм, охвативший до 80% населения. Широко распространялось бегство в более благополучные районы, протекающее стихийно и не организовано. Население в качестве

¹²⁷ Правда. – 1921. 9 декабря.

¹²⁸ Правда. – 1922. 24 января.

¹²⁹ Там же.

места для переселения и спасения видело Сибирь, Туркестан, Петроград, Донбасс, Рыбинск.

«Правда» заявляла о высоком росте численности эпидемических заболеваний, ареал которых на востоке достиг Дальневосточной республики, на западе – Минска, на Севере – Архангельска и Мурманска¹³⁰. «Известия» и «Правда» рассказывали о проведении мероприятий по снижению уровня болезней и профилактических мер лечебной и материальной помощи голодающим, прививочных кампаниях. На нужды населения отпускались комплекты белья, постельные принадлежности, мыло. Такими мерами государство пыталось взять под контроль распространение болезней.

Очень часто «Правда» и «Известия» фиксировали помощь, оказанную советскими частными лицами, сотрудниками государственных структур, курсантами, служащими, рабочими, красноармейцами, и реализуемую в виде отчислений из жалованья и пайка. Содействие оказывали и учреждения, заводы, фабрики, организации и т.д. В основном их помощь сводилась к отпуску денежных средств и продовольственных ресурсов в голодающие губернии, что практиковалось с лета 1921 г. Отправляли рис, горох, фасоль, пшеницу, сахар, какао, оклады, пайки. Театры проводили месячники, сборы с которых отчислялись в фонд помощи голодающим, предпринималась агитация. Работники Балтфлота в корабельных и береговых мастерских производили из отбросов железа предметы массового потребления с целью обмена их на семена и продукты, которые отправлялись в голодающие губернии. Во всех волостях, заводах, мастерских организовывались спектакли, митинги, сбор пожертвований. Организовывались недели помощи голодающим. Одна из таких недель продлилась с 15 по 22 сентября. В ходе кампании устраивались спектакли, агитации для привлечения помощи, всевозможные зрелища, сбор пожертвований, субботники и т.д. По

¹³⁰ Правда. – 1921. 22 декабря.

окончании одной из кампаний был совершен обход квартир с целью сбора пожертвований: вещей, предметов первой необходимости, продуктов¹³¹.

Данными практиками газеты создавали оживленную картину оказываемой помощи голодающим губерниям, непосредственно, самим населением Советской России, подавая проблему как общероссийское бедствие и демонстрируя потенциал, желание и энтузиазм жителей, нацеленных всеми силами и средствами на преодоление голода. С этой же целью «Правда» и «Известия» имели рубрику «отклики в провинции». В ней указывалась та помощь, которая была оказана как отдельными представителями, так и организациями. Она выражалась в пожертвованиях зерном, мукой, пайков, хлебов на обсеменение полей Поволжья. Здесь же фиксировались изменения, улучшение состояния голодающих регионов, меры, принимаемые для ликвидации очагов голода и пр.

Перед большевиками стояла задача осветить собственную деятельность, которая широко развернулась с начала кампании, и акцентировать внимание на ее значительной роли. Так, по сообщениям «Правды», в первые три месяца советским правительством была оказана помощь детям: отправлено два питательных поезда в голодные районы, выделено значительное количество мануфактуры, 200000 пар детских ботинок, началась эвакуация 15-20 тыс. детей из голодных районов¹³². Существенную помощь оказала московская комиссия помощи голодающим. Ей было собрано 150.000.000 рублей пожертвований деньгами, 2000 пудов хлебных продуктов, а также кофе, табак, спички, обувь и тд¹³³. Для беженцев в Москве было организовано 3 питпункта: на Московско-Казанском вокзале, на Рязано-Уральском и Владимирском шоссе. Эти пункты рассчитывались на прием до 1500 человек ежедневно. Первый маршрутный поезд в голодающие регионы, как заявлял председатель московской комиссии, должен был

¹³¹ Известия. – 1921. 27 сентября.

¹³² Правда. – 1921. 13 августа.

¹³³ Правда. – 1921. 14 августа.

отправиться не позднее 23 августа. На московское отделение народного просвещения была возложена миссия организации клубных помещений под детские учреждения. В частности, клуб на Спиридоновке, который был оснащен всеми удобствами: прачечная, кухня. Петроград также готовился к приему населения из бедствующих регионов.

В «Известиях» интенсивно публиковали список пожертвований и суммы поступлений, полученных за определенное время, что давало возможность продемонстрировать развивающую, нарастающую мощь в деле помощи голодающим и, по возможности, минимизировать панические настроения среди населения, приободрить его и поднять моральный дух. С этой же целью, пресса освещала деятельность Американской администрации помощи, призванной оказать содействие Советской России, переговоры с которой велись с начала августа 1921 года. Несмотря на то, что советская историческая наука в деятельности АРА впоследствии будет усматривать контрреволюционную направленность, в освещении газет политическая подоплека отсутствует, а главной целью АРА провозглашается оказание помощи голодающему населению Поволжья.

Уже в конце сентября 1921 года АРА закончила ремонт столовых в Петрограде, которых по всем районам насчитывалось около 120. Между детьми было распределено около 120 тыс. пудов продовольствия¹³⁴, а последующие поставки должны были обеспечить прокормление 1 миллиона детей в течение пяти месяцев. Уже к 1 октября 1921 года АРА доставила в Поволжье 530 вагонов продовольствия¹³⁵. 6 февраля 1922 года в Новороссийск прибыл американский пароход «Виннебаго» с первым грузом кукурузы¹³⁶. Продовольствие было отправлено в Уфу, Оренбург. Первые. Развернутая деятельность АРА и первые результаты ее деятельности положительно оценивались и «Известиями».

¹³⁴ Известия. – 1921. 7 октября.

¹³⁵ Правда. – 1921. 28 октября.

¹³⁶ Правда. – 1922. 22 февраля.

В материалах прессы, освещавшей деятельность АРА, фиксировались проделанные результаты, в т.ч. количество функционирующих столовых, поступление медикаментов, которое «безусловно ободрит население, даст возможность побороть эпидемии и скорее выйти республики из того тупика, в который ввел ее голод»¹³⁷. Оценивая деятельность АРА на территории республики, «Правда» высказывала слова благодарности: «благодаря ее громадным и совершенно бескорыстным усилиям, миллионы людей были спасены от смерти»¹³⁸, а ее пребывание на территории Советской России есть шаг для сближения двух народов.

Рабочие Америки «Советской правдой» подавались как друзья Советской страны. Они не только организовывали сбор для голодающих, но и открыли новую кампанию под лозунгом «Стали и хлеба Советской России»¹³⁹, что предполагало снабжение в особенности пораженных голодом районов сельскохозяйственной техникой и инструментами. Положительное отношение со страниц газет наблюдается и в отношении помощи, предоставляемой со стороны Миссии Нансена: «Советское правительство пойдет ему навстречу» и будет, несомненно, работать рука об руку в полном согласии и единении¹⁴⁰.

В условиях кризиса советские власти опасались реакции капиталистических стран, способных «под маской благотворительности»¹⁴¹ воспользоваться кризисом, и нанести удар по РСФСР. Поэтому в печати буржуазные правительства подвергались нападкам, где красной нитью проходила мысль о том, что их цель состоит в контрреволюционной агитации и поддержке белогвардейцев изнутри. В качестве доказательства использовалась фигура Нуленса, бывшего французского посла в Петрограде, «вдохновителя белогвардейских заговоров против Советской власти»,

¹³⁷ Советская правда. – 1922. 29 июля.

¹³⁸ Правда. – 1923. 20 июля

¹³⁹ Советская правда. – 1922. 9 августа.

¹⁴⁰ Правда. – 1921. 8 сентября.

¹⁴¹ Известия. – 1921. 31 июля.

ставшего председателем международной комиссии помощи голодающим в России¹⁴². По убеждениям «Правды», французское правительство под предлогом международной помощи голодающим грезило об уплате долгов царской России, а Нуланс вместо осуществления помощи умирающему населению исследовал внутреннее состояние Советской России и собирал сведения, какими силами и средствами располагало советское правительство, чтобы вновь организовать вооруженное вмешательство и заставить выплатить царские долги.

По сообщениям газет, аналогичные мотивы преследовала Англия «под видом помощи живодеры Антанты хотели основательно ограбить голодающих»¹⁴³. Газеты использовались для дискредитации буржуазии, «неизлечимой от своей алчности» и бойкотировавшей оказание помощи Советской России¹⁴⁴.

Ввиду нехватки средств у советского правительства для преодоления голода, начиная с февраля 1922 года, советская власть под лозунгами борьбы с бедствием, стала нажимать на церковь. На страницах прессы появлялись заявления о ненужности золота церкви, беспомощности молений и поклонов богу, а также служениям церковников.

Исходя из постановления об изъятии церковных ценностей, фиксировались первые практики добровольной сдачи церковного золота и серебра. Собрание епархии Нижегородской губернии постановило просить губисполком изымать драгоценности. В частности Макарьев и Оханский монастыри данной губернии жертвовали ценности в пользу голодающих¹⁴⁵.

По сообщениям газет мера изъятия церковных ценностей рассматривалась общественностью, в т.ч. верующими, как необходимая. В частности в Москву была отправлена делегация рабочих и крестьян Самарской губернии с целью ходатайства о передаче церковных ценностей в

¹⁴² Правда. – 1921. 1 сентября.

¹⁴³ Правда. – 1921. 12 октября.

¹⁴⁴ Правда. – 1921. 16 сентября.

¹⁴⁵ Правда. – 1922. 11 февраля.

фонд голодающих, считая, что церковное имущество есть достояние всего народа¹⁴⁶. Такие приемы большевиков свидетельствовали о добровольном характере сдачи церковных ценностей. Однако «Советская правда» фиксировала случаи сопротивления изъятию церковных ценностей, посредством газеты оправдывалась дискредитация служителей церкви по причине их контрреволюционной деятельности.

Советская власть в лице церкви, в т.ч. в фигуре патриарха Тихона видела конспиративную организацию контрреволюции. Резервный фонд контрреволюции, по мнению большевиков, сосредотачивался в церковном золоте, которое Тихон скрывал от посягательств советской власти, «умело воруя это золото у голодных и сплавляя его западноевропейским лисицам и беглым монархическим волкам»¹⁴⁷. Газеты сообщали сведения о сопротивлении церковнослужителей делу помощи голодающим, что было связано с их жадностью. Такие сообщения, направленные на подрыв авторитета церкви, широко использовались большевиками.

В статьях, представленных в газете «Советская правда», акцент делался на пропаганде с целью привлечения средств для голодающих. Налогообложение, в т.ч. общегражданский голодный налог, используемый местной властью, транслировалось как важная мера в оказании помощи населению, что предполагало его сдачу всеми гражданами Челябинской губернии, подкрепляя фразами о неудовлетворительном положении населения, особенно крестьянства, о свирепствующих смертях. Иллюстрирование фактов сдачи голодного налога стимулировало население, по большей части городское, к его отпуску. В т.ч. 25 июля по городу Челябинску было собрано 267 000 000 рублей, 26 июля – 290 000 000 рублей¹⁴⁸, что за такой короткий период было весьма важным приростом. По

¹⁴⁶ Правда. – 1922. 24 февраля.

¹⁴⁷ Правда. – 1922. 7 мая.

¹⁴⁸ Советская правда. – 1922. 28 июля.

заявлениям газеты, мобилизация потоков налога ускорилась с вовлечением в дело местных советских партийных органов.

В целях успокоения и утешения населения статьи в газетах, посвященные сельскому хозяйству, обещали благополучное продовольственное положение. Урожай 1922 года, по сообщению статистика Михайловского, являлся одним из наибольших в течение многих лет и напоминал по своим размерам урожай 1913 года¹⁴⁹. Кроме того, для наглядности в одной из статей были представлены диаграммы осадков Челябинской губернии с осени 1920 года по лето 1922 г., свидетельствующие о предстоящем хорошем урожае и еще раз акцентирующие внимание на основной причине голода – засухе, связанной с минимальным выпадением количества осадков зимой 1920-1921 гг. и его понижением весной 1921 г.¹⁵⁰.

С осени 1922 года сообщения о голоде появляются в газетах значительно реже, внимание к теме со стороны власти ослабевает. Вектор смещается в сторону проблемы восстановления сельского хозяйства, борьбы с разрухой, а также последствиями голода. Однако в «Советской правде» сохраняется дискурс о продолжении борьбы с голодом с прежней интенсивностью, поскольку последствия голода проявляют себя. С этой целью газета демонстрирует случай из деревни Малышево, где граждане едят и заготавливают на зиму трупы лошадей¹⁵¹. По сообщениям «Советской правды» конца декабря 1922 года, положение губернии обстояло не так благополучно, существовала возможность дальнейшего поступательного развития голода. По прогнозам Губпоследгола, голод охватит три четверти населения губернии¹⁵². Кроме того, урожай 1922 года покрывал не более половины годовых расходов губернии. Для мотивации населения во избежание подобных проявлений голода, газета сообщала о массовой

¹⁴⁹ Советская правда. – 1922. 10 августа.

¹⁵⁰ Советская правда. – 1922. 24 августа.

¹⁵¹ Советская правда. – 1922. 13 сентября.

¹⁵² Советская правда. – 1922. 26 декабря.

заготовке в Верхне-Уральском и Миасском уездах суррогатов: рыжика, лебеды и др.

Таким образом, государство в официальных центральных и региональных изданиях, публикуя статьи о голоде, формулировало представление о целом комплексе причин, обусловивших кризис 1921 года: расстроенная инфраструктура, отсталая сельскохозяйственная техника и способы ведения сельского хозяйства. Однако основную причину оно видело в засухе, поразившей многие регионы, следствием чего стал неурожай и голод. Оно замалчивало важные факторы, спровоцировавшие голодную катастрофу: революции 1917 года, Гражданскую войну, продовольственную политику Советского государства. Политические мотивы определяли перенос центра тяжести на иной спектр причин голода. Стремление укрепить авторитет и поддержку в обществе требовало от большевиков формировать такие репрезентации голода, чтобы возложить вину за случившееся бедствие на объективные условия. Государство, обращая внимание именно на такой набор причин, указывало, что неурожай, засуха есть явления весьма знакомые и привычные для населения и Старой, и Новой России.

Исходя из сообщений, представленных в «Правде» и «Известиях», голод распространился на двадцать три губернии, в т.ч. Челябинскую, Северный Кавказ, Запорожскую, Киргизскую, Татарскую республики и охватил более 30 миллионов человек. Положение в стране и губернии характеризовалось как бедственное и имевшее чрезвычайно тяжелые проявления. Голод заметно отразился на детях, повлек за собой высокий уровень преступности, беспризорности, нищенства, эпидемических заболеваний, различных девиаций, в частности людоедства, трупоедства и др. Отраженные в газетах масштаб бедствия и тяжелые картины жизни населения, в частности детей, использовались большевиками с целью привлечения разного рода помощи как внутри страны, так и за рубежом. Но и само советское правительство, как убеждала пресса, принимало

значительные меры для преодоления голода и борьбы с его негативными проявлениями.

По сообщениям газет, во время бедствия голодающим регионам Поволжья и других губерний оказывалась широкомасштабная помощь. Основная роль в преодолении голода отводилась именно советским учреждениям, занимавшимся снабжением населения продуктами и предметами первой необходимости, благоустройством детей, эвакуацией голодающего населения, обсеменением полей. Наряду с советскими учреждениями представители общественности, в частности рабочие, красноармейцы, крестьяне, которые, мобилизовав все свои силы и ресурсы, на протяжении голодных лет самоотверженно помогали голодающим губерниям, отправляя денежные отчисления, пайки, продовольствие, проводя сборы пожертвований и недели помощи голодающим. Иностранские организации в лице АРА и комиссии помощи голодающим Фритьофа Нансена внесли свою лепту в дело ликвидации голода.

Созданные в зарубежных странах рабочие комитеты помощи голодающим, содействие западной коммунистической молодежи использовались в центральных газетах в качестве иллюстрации единения пролетариев всех стран и их неразрывной связи друг с другом. Представители буржуазии, в свою очередь, отождествлялись с врагами, которые при значительности ресурсов не оказывали помощь Советскому государству. Посредством газетных репрезентаций голода формировалось негативное представление о правительствах капиталистических стран, церковных организациях России.

Заключение

В рамках борьбы с голодом 1921-1922 гг. государство использовало целый спектр способов и методов выхода из кризиса. Реализовывали их преимущественно специально созданные комиссии помощи голодающим, курируемые Центральной комиссией помощи голодающим при ВЦИК. Участие в их работе на местах принимали губернские органы, в т.ч. Губисполкомы, профсоюзные и партийные организации. Губздравотделы, учреждения образования и культуры осуществляли параллельную деятельность, ориентированную на поддержку пострадавших.

На первом этапе кампании по борьбе с голодом – с августа 1921 до декабря 1921 гг. – основными практиками, направленными на ликвидацию проявлений и последствий катастрофы, стали недели помощи, служившие мобилизации и аккумуляции средств на нужды голодающих. При использовании агитации и пропаганды в их рамках реализовывался комплекс мероприятий, включая субботники, воскресники, ставших каналами поступления пожертвований, в т.ч. денежных средств, одежды, предметов первой необходимости. Носившие несистематический характер, недели помощи оказались недостаточно эффективными, однако сыграли определенную роль в удовлетворении самых минимальных потребностей голодающего населения. В рамках второго этапа кампании, продолжавшегося с декабря 1921 до осени 1922 гг., государство, задействовав механизмы принуждения, стало использовать налогообложение, в результате чего практики, основанные на добровольности, трансформировались в постоянную помощь. Налогообложение, осуществлявшееся в различных видах и формах, а также изъятие церковных ценностей обеспечивали поддержку пострадавшему населению.

Важнейшим направлением помощи голодающим, реализуемым государственными органами, стало предоставление горячего питания и

пайков через общественные столовые. Их сеть была создана на территории многих пострадавших губерний. Наряду с тем производился отпуск одежды и обуви для нуждающихся. Губздравотделами инициировались прививочные кампании, оказывалась медицинская помощь в лечебницах, открывались детские дома, приюты, практиковалось передача детей-сирот на попечение в семьи. Эвакуация голодающих в урожайные районы, являвшаяся одной из задач комиссий, имела низкие темпы и не получила широкого распространения в виду нехватки подвижного состава для перемещения населения.

На фоне углубления голодной катастрофы большевики прибегли к сотрудничеству с иностранными благотворительными организациями. Условия их деятельности на территории РСФСР регламентировались международными договорами. Значительные масштабы реализуемой помощи выделяла АРА. Несмотря на комплексный характер ее поставок, включающий медикаменты и одежду, основной формой деятельности миссии стало открытие столовых общественного питания. Помощь АРА была адресована всем группам населения.

Другими организациями, участвовавшими в борьбе с голодом являлись Чехо-Словацкое отделение Миссии Нансена и Межрабпом. Их помощь направлялась, в первую очередь, детям. Широко использовалась практика открытия столовых, а также поставки медикаментов. Кроме того, Межрабпом осуществлял помощь рабочим предприятий. Свой вклад в дело помощи голодающим в России внесла Дальне-Восточная комиссия, занимавшаяся улучшением быта и положения детей. В частности, она открывала детские столовые, через которые предоставлялось питание, брала на попечение детские дома и организовывала мастерские для обучения детей практическим навыкам.

В ходе кампании по борьбе с голодом советские учреждения и иностранные миссии сталкивались с целым рядом проблем, сдерживающих процесс оказания помощи и снижающих его эффективность. К их числу

относятся высокие тарифы на грузоперевозки, расхищение голодных грузов, расстроенная логистика, отсутствие специальных помещений для питания и лечения пострадавших и др. Но наиболее значимой проблемой, как представляется, было недостаточное внимание к работе комиссий помощи голодающим со стороны центральных государственных органов, неспособность их оперативно обеспечивать нужды помголов. Для АРА чувствительным препятствием в ее деятельности становилось недоверие и подозрительность советских и партийных работников, усматривавших в ней организацию контрреволюционной направленности.

В условиях голодной катастрофы важным для политической практики большевиков становилось использование возможностей пропаганды для создания приемлемого представления о происходящих событиях и действиях властей по преодолению кризиса. Транслятором официального дискурса о голоде выступала пресса. Газетные репрезентации «голодных реалий» обеспечивали смещение акцентов в «рассказе» о виновниках бедствия и их ответственности, способствовали привлечению внимания к проблеме внутри и вне страны, формировали положительный облик власти.

Большевистская пресса формулировала представление о целом комплексе причин, приведших к кризису 1921-1922 гг. Однако основной фактор она усматривала в засухе, следствием которой стал неурожай. Связь голода с событиями революций 1917 года, Гражданской войны, продовольственной политики периода военного коммунизма не педалировалась. Политические резоны власти обуславливали не только перенос центра тяжести на определенный набор причин голода, но и использование нарратива о нем для обоснования, утверждения и оправдания текущих и планируемых мероприятий в деревне: введение продналога, расширение сельскохозяйственной кооперации, повышение механизации деревни.

Правительство не скрывало масштабы бедствия, охватившего 30 миллионов человек и распространившегося по территории Поволжья,

Северного Кавказа, Татарской республики, Украины, Урала, Башкирии. Колоссальный ареал распространения голода и недостаток собственных ресурсов для его преодоления обуславливали такую подачу материала в средствах массовой информации, которая, апеллируя к чувствам читателей, должна была вызвать сострадание и мотивировать их к оказанию помощи голодающим. Газеты акцентировали внимание на трагических проявлениях бедствия, для чего использовались описания крайне тяжелого положения голодных детей и наиболее катастрофических последствий – людоедства и трупоедства. Однако материалы печати не ограничивались лишь констатацией проблем, охвативших значительную часть страны. Они обращали внимание читателей на те усилия, которые прилагали власти для помощи пострадавшим, особенно детям. Репрезентируя результаты работы советских органов, частных лиц, рабочих и красноармейцев и др., направленных на преодоление последствий голода, газеты создавали впечатление об активном ходе кампании по борьбе с голодом, о наличии у государства и советского населения достаточного потенциала для оказания помощи. Тем самым они пытались успокоить, вселить в людей надежду и уверенность в возможность успешного преодоления катастрофы.

С помощью репрезентации голода на газетных страницах большевики решали и внешнеполитические задачи. В условиях международной изоляции Советской России и стремления властей восстановить контакты, возобновить экономические отношения с другими странами размещенные в газетах драматические сюжеты о голоде обращались к зарубежной аудитории, призывая ее оказывать помощь. А рассказы об иностранных рабочих, представителях коммунистических партий и молодежи, жертвующих средствами в пользу голодающих в РСФСР, не только позволяли вписать российские события в актуальный международный контекст, но и создавали представление о единении пролетариата по всему миру. Союзниками и помощниками большевистского правительства в деле борьбы с голодом выступали иностранные благотворительные миссии.

Одновременно с этим официальный газетный дискурс транслировал негативный образ буржуазных правительств, не желающих оказывать помощь Советской республике и намеревающихся вернуть долги царского правительства. Сопровождая антирелигиозную политику власти и поддерживая мероприятия по изъятию церковных ценностей, центральная и местная пресса клеймила священнослужителей, обвиняя их в сопротивлении сдаче богатств. Главным контрреволюционным элементом в этом рассказе являлся патриарх Тихон, который «умело воровал золото у голодных и сплавлял его западноевропейским лисицам и беглым монархическим волкам»¹⁵³.

В целом, комплексная стратегия власти, включавшая организационные, финансовые, пропагандистские и иные усилия, помощь иностранных благотворительных миссий, отчасти инициированная и допущенная советским правительством позволили добиться преодоления острой фазы голодной катастрофы и через год приступить к ликвидации ее последствий.

¹⁵³ Правда. – 1922. 7 мая.

Библиографический список

Источники

1. ОГАЧО (Объединенный государственный архив Челябинской области). Ф. Р-380. Комиссия по борьбе с последствиями голода при Челябинском губернском исполнительном комитете Советов рабочих, крестьянских, казачьих, красноармейских, депутатов; г. Челябинск Челябинской губернии (1921-1923). Оп. 1. Д. 1. Циркулярные письма и телеграфные распоряжения об организации уездных комиссий по борьбе с голодом, положение о создании секций при комиссиях, сведения о состоянии Челябинской губернии за август 1921 – ноябрь 1922 г.

2. ОГАЧО. Ф. Р-380. Оп. 1. Д. 2. Циркулярные письма приказ председателя губернской комиссии от 27 июля 1922, протоколы совещаний представителей уездных отделов и мусульманской комиссии помощи голодающим за июль 1921 – март 1922 г., переписка о мерах по борьбе с голодом.

3. ОГАЧО. Ф. Р-380. Оп. 1. Д. 5. Протоколы заседаний президиума губернской комиссии помощи голодающим за июль – декабрь 1921 г.

4. ОГАЧО. Ф. Р-380. Оп. 1. Д. 10. Циркуляры, инструкция и переписка о борьбе с голодом, положение об организации секции помощи голодным детям, протоколы и выписки из протоколов заседаний губернской комиссии помощи голодающим за сентябрь 1921 – декабрь 1922 г.

5. ОГАЧО. Ф. Р-380. Оп. 1. Д. 13. Отчеты о работе, сведения о состоянии уездов, докладные записки и акты обследований деятельности уездных комиссий помощи голодающим за 1920 – 1922 г.

6. ОГАЧО. Ф. Р-380. Оп. 1. Д. 14. Протоколы заседаний Троицкой уездной комиссии помощи голодающим и заседаний граждан, сведения о количестве пунктов общественного питания, списки и переписка о сборе средств в помощь голодающим Троицкого уезда за август 1921 – август 1922 г.

7. ОГАЧО. Ф. Р-380. Оп. 1. Д. 15. Протоколы заседаний Верхнеуральской уездной комиссии помощи голодающим за сентябрь 1921 – октябрь 1922 г.

8. ОГАЧО. Ф. Р-380. Оп. 1. Д. 17. Протоколы объединенных заседаний Курганского уисполкома и уездной комиссии помощи голодающим, смета расходов на довольствование детских учреждений и переписка о мерах по борьбе с голодом в Курганском уезде за август 1921 – июль 1922 г.

9. ОГАЧО. Ф. Р-380. Оп. 1. Д. 26. Докладная записка и переписка с Центральной комиссией помощи голодающим при ВЦИК об организации Челябинской губернской комиссии помощи голодающим, о положении в губернии и мерах по борьбе с голодом за август 1921 – август 1922.

10. ОГАЧО. Ф. Р-380. Оп. 1. Д. 74. Отчеты Челябинской комиссии помощи голодающим, сведения и докладная записка о работе по борьбе с последствиями голода за июль 1921 – ноябрь 1922 г.

11. ОГАЧО. Ф. Р-380. Оп. 1. Д. 77. Месячные отчеты доклады, сведения о количестве голодающего населения в губернии за февраль – сентябрь 1922 г.

12. ОГАЧО. Ф. Р-380. Оп. 1. Д. 96. Сведения о количестве функционирующих столовых по уездам Челябинской губернии за 1922 г.

13. ОГАЧО. Ф. Р-380. Оп. 1. Д. 103. Выписки из протоколов заседаний губернской комиссии помощи голодающим, программа отчета о состоянии Челябинского района, списки детских учреждений, списки и переписка о деятельности заграничной организации АРА и врачебно-питательного поезда в Челябинской губернии за февраль – август 1922 г.

Нормативно-правовые акты

14. Декрет ВЦИК «О Центральной Комиссии Помощи Голодающим при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. – М. : Управление делами Совнаркома СССР, 1944. – С. 914-915.

15. Постановление ВЦИК от 23 февраля 1922 «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих» // Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. – М. : РАГС, 1999. – 334 с.

16. Постановление Совета Труда и Оборона «О борьбе с засухой» от 29 апреля 1921 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. – М. : Управление делами Совнаркома СССР, 1944. – С. 489-491.

17. Соглашение, заключенное между Главным Уполномоченным Женевской конференции по оказанию помощи России и Народным Комиссаром Иностранных Дел РСФСР от 27 августа 1921г. // Документы внешней политики СССР. – М. : Госполитиздат, 1960. – Т. 4. – 812 с.

18. Соглашение между Правительством РСФСР и Американской Администрацией помощи // Документы внешней политики СССР. – М. : Госполитиздат, 1960. – Т. 4. – 812 с.

Делопроизводственные документы

19. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. Т. 1. 1918—1922 гг. / Ин-т рос. истории Рос. академии наук, Дом наук о человеке (Франция), Центр. архив ФСБ Российской Федерации, Ин-т истории новейшего времени (Франция) / под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М.: РОССПЭН, 1998. – 864 с.

Статистические материалы

20. Итоги борьбы с голодом в 1921-1922 гг. : Сборник статей и отчетов [Текст]. – М. : ЦК Помгол. ВЦИК, 1922. – 499 с.

Периодическая печать

21. Правда [Текст] : печатный орган РКП(б) / ВКП(б), 1921.

22. Правда [Текст] : печатный орган РКП(б) / ВКП(б), 1922.

23. Правда [Текст] : печатный орган РКП(б) / ВКП(б), 1923.

24. Известия [Текст] : печатный орган ВЦИК Советов Рабочих, Крестьянских, Казачьих и Красноармейских депутатов, 1921.

25. Известия [Текст] : печатный орган ВЦИК Советов Рабочих, Крестьянских, Казачьих и Красноармейских депутатов, 1922.

26. Известия [Текст] : печатный орган ВЦИК Советов Рабочих, Крестьянских, Казачьих и Красноармейских депутатов, 1923.

27. Советская правда [Текст] : печатный орган Чел. губкома РКП(б), 1921.

28. Советская правда [Текст] : печатный орган Чел. губкома РКП(б), 1922.

29. Советская правда [Текст] : печатный орган Чел. губкома РКП(б), 1923.

Литература

30. Аншакова, Ю. Ю. Гуманитарная миссия АРА в советской России: начало взаимодействия [Текст] : статья / Ю. Ю. Аншакова // Известия Самарского научного центра РАН. – Самара, 2009. – № 2. – С. 112-117.

31. Аншакова, Ю. Ю. «Увиденное мною в Самаре я не забуду никогда»: голод начала 1920-х годов и помощь голодающим в Самарской губернии [Текст] : статья / Ю. Ю. Аншакова // Известия Самарского научного центра РАН. – Самара, 2012. – № 3. – С. 59-71.

32. Арнаутов, Л. И. Оренбуржье – 1922: цифры и факты [Текст] : статья / Л. И. Арнаутов // Блокнот агитатора. – 1982. – № 19. – С. 30-32.

33. Бадмаева, Е. Н. Голод в Нижнем Поволжье в 1921 и 1933 гг. [Текст] : статья / Е. Н. Бадмаева // Новый исторический вестник. – М., 2010. – № 26. – С. 47-59.

34. Белокопытов, В. И. Лихолетье: (Из истории борьбы с голодом в Поволжье 1921—1923 гг.) [Текст] : монография / В. И. Белокопытов, – Казань : Татарское книжное издательство, 1976. – 167 с.

35. Геллер, М. Я. О голоде, хлебе и советской власти [Электронный ресурс] : статья / М. Я. Геллер // URL: <https://www.litmir.me/br/?b=156449&p=11> (дата обращения 17.03.2018).

36. Геллер, М. Я., Некрич А. М. Утопия у власти [Текст] : монография / М. Я. Геллер., А. М. Некрич, – М. : Издательство «МИК», 2000. – 856 с.
37. Генкина, Э. Б. Переход Советского государства к новой экономической политике (1921-1922) [Текст] : монография / Э. Б. Генкина, – М. : Госполитиздат, 1954. – 505 с.
38. Гнатюк, О. Л. Сборник научных трудов "Актуальные проблемы теории коммуникации" [Текст] : статья / О. Л. Гнатюк // СПб. – Изд-во СПбГПУ. – 2004. – С. 11-20.
39. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс [Текст] : монография, – М. : 1955. – С. 248.
40. Зима, В. Ф. Голод 1921-1922 гг. в Советской России: власть и церковь [Текст] : монография / В. Ф. Зима, – М. : Собрание, 2015. – 239 с.
41. Каракулов, Д. В. Голод 1921-1922 гг. на Урале [Текст] : дисс. ...к.и.н. – Екатеринбург, 2000. – 196 с.
42. Коган, А. Н. Антисоветские действия Американской Администрации и помощи (АРА) в Советской России в 1921-1922 гг. [Текст] : статья / А. Н. Коган // Исторические записки. – М., 1949. – № 29. – С. 3-32.
43. Космачева, Т. С. Государственные и общественные организации России и зарубежья в борьбе с голодом 1921-1922 годов на Южном Урале [Текст] : дисс. ...к. и. н. – Самара, 2009. – 200 с.
44. Космачева, Т. С. Государственные и общественные организации России и зарубежья в борьбе с голодом 1921-1922 годов на Южном Урале [Текст] : автореф. дисс. ...к. и. н. – Самара, 2009. – 21 с.
45. Космачева, Т. С. Деятельность европейских общественных организаций на Южном Урале во время голода 1921-1922 годов [Текст] : статья / Т. С. Космачева // Вестник Челябинского государственного университета. История. – Челябинск, 2009. – № 31. – С. 79-83.
46. Кристалл, А. М. Голод 1921 года в Поволжье: опыт современного изучения проблемы [Текст] : дисс. ...к. и. н. – М., 1997. – 223 с.

47. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса [Текст] : монография / М. Л. Макаров, – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
48. Машин, М. Д. Борьба с голодом в 1921-1922 годах на Южном Урале [Текст] : статья / М. Д. Машин // Из истории революционного движения и социалистического строительства на Южном Урале. – Челябинск, 1959. – С. 100-124.
49. Нарский, И. В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала 1917 – 1922 [Текст] : монография / И. В. Нарский, – М. : РОССПЭН, 2001. – 613с.
50. Павлюченков, С. А. Крестьянский Брест, или предыстория большевистского НЭПа [Текст] : монография / С. А. Павлюченков, – М. : Русское книгоиздательское товарищество, 1996. – 302 с.
51. Поляков, В. А. Голод в Поволжье, 1919-1925 гг.: происхождение, особенности, последствия [Текст] : монография / В. А. Поляков, – Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2007. – 735 с.
52. Поляков, Ю. А. 1921 г.: победа над голодом [Текст] : монография / Ю. А. Поляков, – М. : Политиздат, 1975. – 112 с.
53. Поляков, Ю. А. Переход к НЭПу и советское крестьянство [Текст] : монография / Ю. А. Поляков, – М. : Наука, 1967. – 519 с.
54. Поспеловский, Д. В. Русская православная церковь в XX веке [Текст] : монография / Д. В. Поспеловский, – М. : Республика, 1995. – 511 с.
55. Прокопович, С. Н. Народное хозяйство СССР. – Том I [Текст] : монография / С. Н. Прокопович, – Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1952. – 358 с.
56. Радек, К. Б. Голод в России и капиталистический мир [Текст] : монография / К. Б. Радек. – М. : 1-я Образцовая тип. МНСХ, 1921. – 12 с.
57. Рубинштейн, Н. Л. Борьба Советской России с голодом 1921 г. и капиталистические страны [Текст] : статья / Н. Л. Рубинштейн // Исторические записки. – М., 1947. – № 22. – С. 3-41.

58. Усманов, Н. В. Деятельность Американской администрации помощи в Башкирии во время голода 1921-1923 гг. [Текст] : монография / Н. В. Усманов, – Бирск : Бирск. гос. пед. ин-т, 2004. – 127 с.

59. Усманов, Н. В. К вопросу об американской помощи голодающим Советской России в 1921-1923 гг. [Текст] : статья / Н. В. Усманов // Дискуссионные вопросы российской истории: Материалы IV межвузовской научно-практической конференции. – Арзамас, 2000. – С. 197-202.

60. Усманов, Н. В. Миссия полковника Белла: О деятельности Уфимско-Уральского отделения Американской администрации помощи (1921-1923 гг.) [Текст] : монография / Н. В. Усманов // Бирск: Бирская гос. социально-педагогическая академия, 2007. – 144 с.

61. Усманов, Н. В. Голод 1921-1923 годов и продовольственная политика большевиков глазами американцев [Текст] : статья / Н. В. Усманов // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII-XX веках: проблемы источников и историографии. – Оренбург, 2007. – С. 328-334.

62. Усманов, Н. В. Американская помощь голодающим на Южном Урале в 1921-1923 гг.: документы госархивов Республики Башкортостан [Текст] : статья / Н. В. Усманов // Отечественные архивы. – 2009. – № 1. – С. 48-54.

63. Хенкин, Е. М. Очерки борьбы Советского государства с голодом [Текст] : монография / Е. М. Хенкин, – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. – 171 с.

64. Циденков, Г. Г. Коммунистическая партия во главе с В.И. Лениным – организатор и руководитель борьбы советского народа с голодом 1921-1922 гг. [Текст] : автореф. дисс. ...к. и. н. – М., 1972. – 226 с.

65. Хмелевская, Ю. Ю. Миссия выполнима? Американская филантропия против первого советского голода (к 90-летию начала деятельности американской администрации помощи на Урале, 1921-1923 гг.)

[Текст] : статья / Ю. Ю. Хмелевская // Вестник Пермского университета. – Пермь, 2011. – № 3. – С. 65-74.

66. Хмелевская, Ю. Ю. О некоторых аспектах неформальной коммуникации. О каннибализме в Советской России во время голода 1921 – 1923 гг. [Текст] : статья / Ю. Ю. Хмелевская // Слухи в России XIX – XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории : сб. статей – Челябинск : Каменный пояс, 2011. – С. 49-74.

67. Хмелевская, Ю. Ю. Американская помощь голодающим в Советской России в 1921-1923 гг.: забытая страница истории или идеологическая манипуляция? [Текст] : статья / Ю. Ю. Хмелевская // Век памяти, память века: сб. статей – Челябинск : Каменный пояс, 2004. – С. 431-453.

68. Хмелевская, Ю. Ю. Смертельный репортаж: Будни и трагедии русского голода 1920-х гг. в свидетельствах американских очевидцев [Текст] : статья / Ю. Ю. Хмелевская // Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия: сб. статей – Челябинск : Каменный пояс, 2008. – С. 247-268.

69. Хмелевская, Ю. Ю. Роль американской миссии в борьбе с голодом на Урале (по материалам Уральско-Уфимского округа АРА, 1921-1923). [Текст] : статья / Ю. Ю. Хмелевская // Южный Урал в судьбе России (к 70-летию Челябинской области). – Челябинск, 2003. – С. 149-154.

70. Хмелевская, Ю. Ю. 1922 год на Южном Урале глазами американского очевидца: Уильям Джозеф Келли и его письма из Уфы [Текст] : статья / Ю. Ю. Хмелевская // Археография Южного Урала. – Уфа, 2004. – С. 222-230.

71. Холквист, П. Российская катастрофа (1914-1921) в Европейском контексте: тотальная мобилизация населения и «политика населения» [Электронный ресурс] : статья / П. Холквист // http://www.russia-21.ru/XXI/RUS_21/ARXIV/1998/holkvist_11-12_1998.htm (дата обращения: 10.11.2018).

72. Ярославский, Е. М. Почему у нас в России голод и как с ним бороться? (Простая беседа с крестьянами) [Текст] / Е. М. Ярославский. – Самара : Гос. изд-во Сам. отделения, 1921. – 14 с.